

47.1
К П20

Новамир
Патрикеев

ПЛАНЕТА

ЛЮБВИ

НОВОМИР ПАТРИКЕЕВ

ПЛАНЕТА ЛЮБВИ

(из записок охотника Обского Севера)

Краеведческому отделу
Библиотеки = Максикской окружной
за моего творческое сотрудничество
А. Патрикеев
28/III. 952.

В ДАР

Москва, 1995 г. -45444-

анты-Мансийская
окружная библиотека RO

К ББК 47.1

П20

М 466.2

Патрикеев Н.Б.

Планета любви: Из записок охотника Обского Севера.
— М.: 1995 г., 96 с. [Библиотечка Всероссийского журнала
«Ямальский меридиан»].

Автор, журналист и краевед, увлекательно рассказывает о своем детстве в Салехарде, единственном в мире городе, расположенном на черте Полярного круга, о богатом четвертьвековом охотничьем опыте на Ямале. Кроме ярких описаний природы и охоты в книге запечатлены исторические и бытовые реалии далекой эпохи 30 — 60 годов.

П $\frac{328325}{1483022}$ без объявл.

© Н. Патрикеев. 1995 г.

Об авторе

Новомир Борисович Патрикеев родился в 1932 году в г. Салехарде. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева и Свердловскую высшую партийную школу. Много лет работал на Ямале научным сотрудником опытной сельхозстанции, директором Верхне-Пуровского совхоза, руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству окружкома КПСС, заместителем редактора газеты «Красный Север». С 1970 года редактирует Ханты-Мансийскую окружную газету «Новости Югры».

Как краевед известен с начала 60-х годов научными и научно-популярными публикациями по истории Севера

Западной Сибири. Соавтор двух книг, автор ряда брошюр, докладов на региональных научных конференциях, около сорока статей и сообщений в журналах и сборниках, пятисот выступлений в газетах Тюменской области.

С середины 50-х годов важное место в творчестве Н. Б. Патрикеева занимает экологическая тема. Его перу принадлежит более сорока книжно-журнальных и двухсот газетных публикаций о природе Севера, охоте и охотничьем собаководстве. Им написаны также десятки газетно-журнальных рецензий на краеведческие охотничьи издания и произведения местных авторов.

Богатый опыт газетной работы и двадцатилетнего участия в центральных выборных органах Союза журналистов страны позволяет Н. Б. Патрикееву квалифицированно выступать в печати по проблемам журналистики, а накопленный исследовательский материал — публиковать отдельные документы, факты, материалы из выявленных им архивных, музейных и литературных источников.

Н. Б. Патрикеев — заслуженный работник культуры России, избран членом-корреспондентом Петровской Академии Наук и Искусств (Санкт-Петербург), действительным членом Русского Географического общества, почетным членом общества охотников.

Предисловие

В русской литературе жанр «Записок» стал традиционным еще в прошлом веке. Данью этой традиции служит и подзаголовок предлагаемых читателю воспоминаний Н.Б.Патрикеева — «Из записок охотника Обского Севера». Повествование начинается с рассказа о довоенном Салехарде и охватывает более тридцати лет. В основу книги положены впечатления, накопленные автором с раннего детства.

«Планета любви» (утренняя звезда Венера) светит Н.Б.Патрикееву всю его охотничью жизнь, начавшуюся более полувека назад. «Планетой любви» можно назвать и сибирскую землю, на которой родился и вырос автор. «Планета любви» — это и родной Ямал, и северная природа-мать, спасшая, сохранившая в военное лихолетье души подростков. Нынешнее оскудение природы породило немало противников охоты, но кто бросит камень в автора-охотника, прочитав его воспоминания об охотничьей юности и зрелости.

Новомир Борисович Патрикеев, коренной сибиряк и патриот своего края, своей жизнью и деятельностью доказал (доказывает и поныне, находясь на посту главного редактора хантымансийской окружной газеты), что любовь ко всему живому и охота — вещи вполне «совместные». Кто еще может похвастаться таким же знанием населяющих Западную Сибирь наших «братьев меньших» — зверей и птиц, кто более Н.Б.Патрикеева рассказал о них своим землякам в печати?

В то же время «Планета любви» — книга с «двойным дном». В ней, помимо описаний природы и охоты, запечатлены исторические и бытовые реалии далекой теперь эпохи 40-х — 60-х годов. И здесь следует сказать еще об одном достоинстве книги.

Краеведение существует в России с незапамятных времен. Пусть наших современников не вводят в заблуждение краеведческие музеи, созданные при советской власти, — любовью к старине славились и наши предки. Иное дело, что в известные годы связь времен прервалась, и мы только сейчас начинаем восстанавливать все звенья нашей истории. Любое объективное непредвзятое свидетельство очевидца о тех или иных событиях уже на новом, свободном от идеологии уровне приобретает глубокий смысл. Именно в этом аспекте можно рассматривать и небольшую книгу Н.Б.Патрикеева «Планета любви».

Хочется верить, что следующим за нами поколениям будет вовсе небезразлично, чем и как жили их отцы и деды. Устные предания — не документ, но искренние воспоминания охотника и через много лет расскажут людям правду о сибирском житье-бытье. Немаловажно и то, что подобные книги («Записки охотника») не издавались в России уже тридцать лет.

Михаил Булгаков, член ЮНЕСКО-клуба «Кречет», член редколлегии
журнала «Охота и охотничье хозяйство»
г.Москва

1. Рожденный с ружьем

Образно говорят, что люди рождаются с гармошкой, книгой, кистью, плотницким топором, с другим каким-то предметом или инструментом, определяющим впоследствии всю их жизнь. Мне, наверное, выпало родиться с охотничьим ружьем. Случилось это в 1932 году в старинном Обдорске, всего через год переименованном в Салехард. Отец мой Борис Владимирович, дед по матери Кузьма Кириллович Пермяков (в городе есть улицы их имени), второй дед Владимир Иванович Патрикеев, два дяди и даже одна тетка были страстными потомственными охотниками.

И первые разговоры мужчин, которые я услышал,—об охоте, о книгах, собаках и, конечно, о ружьях, которые в то время спокойно висели дома на гвоздях и на самом видном месте. У одного деда был курковый «Пипер-Байярд» с длинными витыми дамасковыми стволами, у второго деда и дяди—старинные курковые тулки, у другого дяди—трехствольный «Зауэр», у отца — две бескурковки, «Зауэр-Ястреб» и «Гско», позже появился курковый «Зауэр-Аист».

Ружьями гордились, их любили и лелеяли. Долгой зимой частенько снимали, протирали, прикладывались для тренировки и удовольствия. Вновь приобретенные показывали друг другу, тщательно осматривали, разбирались в клеймах и проверяли. Прямыню и правильность сверловки стволов, например, по концентричности «тневых» колец внутри, а также путем наложения на них иголки, играющей роль магнитной стрелки.

Иногда приносили охотничью литературу. Часто рассматривали объемистый каталог русского и иностранного оружия, изданный перед революцией в Москве. Чего только там не было—гладкоствольные ружья разных систем, штуцера, винтовки, пистолеты и револьверы. И не скажу, что современное охотничье вооружение далеко шагнуло за прошедший век—и полуавтоматы, и бескурковки, и бокфлинты-вертикалки—почти весь теперешний арсенал можно было увидеть. Говорили об охотничьих классиках С.Т.Аксакове и Л.П.Сабанееве. Помню, смеялись над тургеневской «классификацией» охотников («ахалы, бахалы и трахалы»), серьезно, но не без юмора обсуждали его статью «Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков легавой собаки».

Выходило немало и новинок. У меня сохранились отцовские «Основы охотоведения» Н.А.Флерова (1930 г.). Обсуждали одноимен-

ное пятитомное (!) издание Д.К.Соловьева, «Настольную книгу охотника» С.А. Бутурлина, книги Н.А. Зворыкина, А.А. Зернова и Григория Евгеньевича Рахманина, будущего друга отца, с которым мне также посчастливилось познакомиться и вместе охотиться в 50-е годы.

В довоенном Салехарде почти каждый здоровый мужчина был охотником. Многие владели хорошим оружием, и дореволюционным, и регулярно поставляемым на Север отечественным и импортным. В большом ходу были добротные ижевские одностволки редких теперь 32, 28, 24 калибров. Естественно, выделялись наиболее «заядлые» - азартные, хорошие стрелки, приверженцы культурной охоты. Среди местных известны были старожилы братья Булыгины, братья Гладовские, гусятники—Сергеев и Мотошин; среди приезжих и имевших профессиональное отношение к организации охотничьего промысла выделялись В.Ф.Никитин, братья Луцки, Пашкевич и, конечно, Борис Борисович Лебле, будущий доцент, глава целой школы охотоведов - лссоводов.

И неудивительно, что с приближением весны об охоте говорил весь город. Великое таинство подготовки к ней начиналось со снаряжения патронов. Почти все делалось вручную. На чурбаке специальной высечкой рубили картонные пыжи - прокладки и войлочные из старых валенок. Последние потом, нанизав на нитку, «просаливали» каким -нибудь горячим жиром, чаще рыбьим, с добавкой воска или стеарина, а перед зарядкой обстукивали по бокам для мягкости молотком. В дрожжевой гуще мыли медные и латунные гильзы, закопченные дымным порохом и с зеленым налетом от влаги.

Медные капсюли центрального боя /красные — помягче и желтые — винтовочные, более твердые и менее желательные/ в многократно употребляемые гильзы с изношенными пистонными гнездами осторожно забивали легким молотком на деревянных «пыжилках» - навойниках. Прибор «Барклай» применялся для вдавливания пистонов в новые металлические и только - только появившиеся папковые гильзы. В последние под каждый капсюль «Центробой» нужно было вставлять маленькую плоскую наковальню - трезубец, что уже полностью исключало применение молотка.

Порох был только черный, четырех номеров: первый — крупный, далее — средний, мелкий и редко — очень мелкий, самый ценный, блестящий как антрацит. Если обычные сорта упаковывались в прямоугольные картонные коробочки, то лучший, его называли «царским»,

продавался в овальных, оклеенных бумагой жестяных баночках с оригинальной маленькой крышкой-задвижкой. Бездымный порох встречался редко да и многие ружья не были для него достаточно прочными.

По рассказам знаю, что один из пионеров применения нитропороха Михаил Анисимов чуть было не пострадал от новинки. Как-то весной он зарядил «бездымкой» полсотни латунных гильз. После первого же быстрого дуплета послышались лишь щелчки курков. Решив, что произошли осечки, охотник поставил ружье к стенке скрадка. И хорошо, что выполнил старое правило безопасности, не открыл его сразу после осечки. Через мгновение оно бабахнуло почти залпом. «Эксперимент» происходил на глазах сидевших невдалеке других охотников. Иногда случались нормальные выстрелы, но чаще — затяжные как у фитильной древней пищали: пошипит-пошипит да как трахнет!

А причина была в отсутствии специальных капсюлей «жевело». Картонные гильзы под них и сами пистоны, а соответственно и бездымные пороха, стали широко распространяться уже в послевоенные годы.

И, наконец, последний компонент, долгие годы остававшийся дефицитным, — дробь. Ее чаще делали сами — лили расплавленный свинец через консервную банку с отверстиями в машинное масло, или разными способами изготавливали маленькие кубики из свинца. Округлую форму придавали дробинкам на сковородках. Изредка применяли «дробокаталку» из двух дисков на оси — нижний с бортиками, верхний с ручкой для вращения — предел механизации. Снаряженные патроны помещали в специальные чемоданчики из крашеной фанеры или тонких досок, иногда с круглыми отверстиями-гнездами по калибру (прототип контейнера).

Важной заботой была подготовка маншиков. «Чучела», как их называли, предпочитали работы тобольских мастеров из специальных артелей, прекрасно раскрашенные, почти всех пород (не встречал только широконосок-соксунов и чирков-трескунков). Их выдалбливали из легкого дерева, чаще липы. Донца были деревянные, реже жестяные. Тонкие корпуса нередко трескались или простреливались, головы, насаженные на штырьки с клеем, отламывались. Все дефекты шпаклевали оконной замазкой, подклеивали, подкрашивали. Я и сейчас раскрашиваю свои самодельные пенопластовые маншики по

тем образцам. Не могу не упомянуть и пару виденных старинных маншиков уток-морянок из папье-маше. У них очень своеобразные сложные краски, особенно на головах, и очень длинный тонкий хвост у самца. А как точно были сделаны — просто художественное произведение! Они и стояли у одного старожила, не охотника, на комодe как украшение. Фанерные маншики-профили делали, в основном, гусиные, хотя случалось, и утиные.

Но настоящим чудом прикладного искусства можно было считать набивные, перовые чучела. Это были словно живые утки, гуси и даже лебеди-кликуны. Единственный недостаток — недолговечность. Но зато как подманивали, пока новые. Был случай, когда селезень морской чернети в любовном экстазе взгромоздился на плавающую перовую самку и взлетел, только когда отломил у нее часть клюва. На отмелях или берегах ставили на рогульки убитых уток. Знаю, что ямальские ненцы и ханты делали еще проще — разбрасывали в озере обожженные куски дерева, к которым смело подсаживались нырки, особенно синьга и турпаны.

В низовьях Оби с широкими и глубокими разливами невозможно охотиться весной без лодки для расстановки маншиков и подбора трофеев с воды. Большинство ездило на хантыйских калданках, шитых кедровым корнем из трех частей (долбленое дно и гнутые борта), проваренных по донным швам древесной серой и соединенных сверху тонкими округлыми перекладинами: без единого гвоздя, легких и стойких на волне. Название произошло от хантыйского слова «калдан» — небольшой, обернутый в бересту, камень-пригруз для старинной донной ловушки на осетров и муксунов, своеобразного маленького траля.

Наверное, последнюю такую снасть я видел под Салехардом в середине 60-х годов. На Игорской Оби у Пельвожа, недалеко от выхода из нее протоки Харпосл, почти ежедневно «калданил» старый хант Андрей.

Калданки, как правило, делали двухместные на две уключины, которые крепились к бортам на небольших подушках, крепко прикрученных корнем или прочной веревкой. На продольных досочках высотой пять-семь сантиметров устанавливались приколоченные к ним дощатые сидения (беседки) длиной чуть больше полуметра.

Между ними лежала доска (напоминающая гладильную) с бортиком — упорка для ног гребца.

Реже встречались калданки на одного человека без места для рулевого, а еще реже — большие, «моржовки», с тремя уключинами. Второй гребец сидел за спиной основного в более узкой носовой части и имел одно весло.

Особенно славилась калданки кушеватских мастеров с высоким закругленным носом и удлиненной острой кормой. Яйцевидный обвод дна по длине лодки придавал необыкновенную легкость скольжения по воде («ходкость») и устойчивость. Конструкция, технология изготовления, красота и эксплуатационные качества обской калданки вполне сравнимы с другим непревзойденным производением народов Севера — чумом оленеводов.

Думаю, в обоих случаях есть какой-то элемент волшебства, неземной заданности. До сих пор не знаю — реалья, мираж или оптический эффект, то что я наблюдал июньской белой ночью в поселке Васяхово на берегу Малой Оби. В золотистой узкой щели, отделявшей горизонт от сине-серого небосвода, внезапно появилось ярко-золотое солнце в короне спящих лучей, заигравших на голубой воде розовыми пятнами. В это время из-за мыса вышел караван: маленький рыболовный бот вел на буксире три плавные лодки-бударки астраханского типа и десяток желто-белых еще неокрашенных и несмоленых калданок. Первые четыре суденышка бороздили гладь протоки носами и оставляли свой след, а новенькие калданки, похожие на индейские пироги, плыли словно воздушные корабли, не касаясь воды.

Было много и дощатых лодок, но не плоскодонок-утюгов, а так называемых городовушек с заостренным носом и суженной кормой, овальных в поперечном разрезе. Они также хорошо «держали» волну, имели две-три уключины. Самые большие лодки на четыре и более уключин назывались неводниками, лодки с каютой на корме — каюками. На них, как правило, каждый гребец работал одним веслом. На городовушках и неводниках иногда ставили паруса.

Традиционные местные весла ханты мастерски выстругивали из ели. Лопаста калданочных весел имели форму лаврового листа, а у больших лодок — напоминали колокольчик с закругленными краями. Кормовые весла делали изогнутыми для большего захвата воды с удобной ручкой на конце. Обязательной принадлежностью каждой лодки был совок-черпак с длинной рукояткой, по местному — лейка. Ею вычерпывали попавшую в лодку воду и глушили крупную рыбу, вынутую из сетей.

Городские охотники хранили лодки у знакомых, живущих на берегу. А с наступлением теплых дней шли «заваривать»: смолили днища, на швы изнутри и снаружи накладывали кусочки вара и разравнивали нагретым на костре загнутым металлическим прутом.

Я присутствовал не только на ремонте наших лодок. Как только начал хорошо ходить, бабушка по матери, учительница-пенсионерка, стала водить меня к весенней реке на прогулку. На почерневшем берегу Полуя, у первой талой воды на кострах висели котлы с кипящей смолой. Рядом глыбы вара, тюки смолевой пакли, деревянные брусья, доски, рейки, стружка. Неповторимый аромат теплого весеннего воздуха, волнует до сих пор. Да и звуки: визг продольных и поперечных пил, стук топоров и молотков, веселые крики плотников и конопатчиков, готовивших к навигации деревянный тогда грузовой и рыбацкий флот: баржи, паузки, плашкоуты, парусные шаланды.

А над всем этим весеннее небо. Высокое до бесконечности, чистое до прозрачности, оно и сейчас кажется мне таинственным и всевидящим, как загадочный хрустальный глаз Космоса. Бабушка, родом с Урала, говорила, что никогда не видела такого красивого, чарующего неба как на Севере. Она постоянно любовалась им и порой задолго до появления видимых признаков весны чувствовала ее дыхание по изменению небесных красок.

Я понял это много позже, прочитав у Александра Блока:

Ветер принес издалека
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок...

Берег стал любимым местом наших детских игр. С первыми проталинами мы выходили на полуыйский яр, наблюдали прилет пуночек, появление на льду промоин, прибыль воды. С особым интересом смотрели, как первыми отправлялись на весеннюю охоту гусятники-промысловики. Они, возбужденные внутренне, но серьезные от сложности предстоящей операции, вплавь переправляли через забереги-закраины лошадей, запряженных в розвальни. Не все животные сразу заходили в воду, некоторые испуганно ржали, разворачивались и возвращались на берег. Привычные переплывали более или менее спокойно, но заметно волновались и фыркали, когда хозяева тянули их за повод, помогая выкарабкаться на твердый лед.

• По нему-то, извилистой синеватой полосой уходящему вверх по

реке, и отъезжал маленький обоз. Везли немалую поклажу: калданки с хорошо уложенным припасом, чтобы не промок при переправах, набивные манщики (гусиные профили они не признавали) и необычные сооружения — громадные, два на два метра, плетеные из толстых веток каркасы крыш своих капитальных скрадков-станков. В них им предстояло жить недели две-три, а то и месяц, в зависимости от времени пролета гусей.

По заберегам отплывали и наиболее заядлые любители. Они легко перетаскивали калданки через лед и гривы, добираясь до пойменных разливов-соров. Каждый занимал заветное место, на которое никто не покушался. Угодья являлись своего рода вотчинами, часто носившими имена пользователей. Если посмотреть на Полууй от зооветтехникума, то прямо увидим Монашкин остров, где когда-то косили сено обдорские монахини, правее за рекой — Юркину протоку, еще правее — Черкашинский сор.

На своих мысах или заливах охотники ставили похожие на круглую подкову скрадки-загородки из таловых веток с открытым верхом, плотно утыканые прошлогодней травой или сеном. В них поджидали уток, время от времени подсаживающихся к манщикам. Большинство стреляло только сидящих птиц. Из экономии боеприпасов старались «спаривать» или «страивать» уток, а если сплывается в кучу больше, тем лучше. Не знаю, как там было насчет самок, — наверняка их тоже убивали. Но зато и гнездиться утке не мешали, т. к. с подъезда и подхода стреляли только по случаю и охотников было в десятки раз меньше, чем теперь. Соответственно так называемый «фактор беспокойства» почти не наблюдался. Хорошо, что и в последних Российских правилах охоты стрельба водоплавающих птиц весной разрешена лишь из укрытия.

Как вы уже догадались, весенняя охота начиналась с прилета, а закрывалась 15 июня, чтобы пострелять и более позднюю крупную, черную утку (так называли нырков) — морскую чернеть, синьгу, турпана. Осенний сезон открывался 15 августа, когда поднимались на крыло серые (речные) утки.

На берегу весной и осенью мы видели и возвращающихся с охоты людей. К знакомым подходили, с любопытством рассматривали трофей, помогали разгрузить и вытащить на берег калданку. С многодневных охот родственников было принято встречать как и провожать, чтобы помочь нести запасы и добычу. Совсем маленьким я нес какой-

нибудь котелок или туесок, а при возвращении охотников — обязательно утку. Когда поднабрался силенок, естественно — ружье. Их, как и добычу, носили раньше открыто — не прятали в чехлы и рюкзаки. И вообще к охотникам было нескрываемое уважение в обществе и семьях как к людям особенным, мужественным, увлеченным, придерживающимся определенных терминов, ритуалов и этики.

Охотничье окружение наложило отпечаток и на мои детские игры и занятия. Первой игрушкой, которую помню, была курковая двухстволка для бумажных пистонов, позже — бескурковая переломка, стреляющая пробками, привязанными на нитках. Затем отец привез мне из командировки настоящую шитую маленькую калданку метра полтора длиной с кормовым веслом — точные уменьшенные копии. «Плавал» на ней, разумеется, во дворе, положив какой-нибудь подходящий скарб — ружье, пару маншиков, ведро или топор. Часть маншиков расставлял на земле и прицеливался в них.

В настоящую лодку меня садили совсем маленьким, чтобы поката́ть мину́ту-другую у берега при отправлении на охоту. Первый дальний выезд, судя по сохранившейся фотографии, состоялся в 1937 году. Летним воскресеньем отец взял меня и маму на сельхозопытную станцию, где работал директором. Помню темно-бордовую небольшую городовушку, ярко-синию от легкого ветра воду в Поляпте и бегающих по песчаному берегу куликов. А главное — просмотр небольшой сети, когда я впервые увидел, как трепыхались на дне лодки красноперые подъязки, зеленые щуки, радужно-полосатые окуни и большой ерш, угрожающе растопыривший колючие жабры и острый спинной плавник.

Читать меня бабушка научила рано, в четыре года, и я с удовольствием перелистывал толстые золоченые тома Брэма, разбирая по складам названия птиц и зверей. Постоянно заглядывал в свою будущую настольную книгу «Дробовое ружье и стрельба из него» А. С. Бутурлина. С интересом рассматривал номера журнала «Босц-охотник», который выписывал отец. Сейчас он называется просто «Охотник» и я счастлив, что опубликовал в нем не только свои статьи о природе и охоте, но и часть этих записок.

Рисовал тоже что-нибудь природно-охотничье: «домик над рекою» по известному стихотворению, ружья, ножи-кинжалы, птиц. Помню, так и не смог изобразить голову орла — все какая-то ворона получалась. А началось с того, что отец, неимевший никаких склон-

ностей к рисованию, постоянно изображал мне на листке бумаги одну и ту же картинку — яйцевидное озеро, кривой дом с трубой и заборчиком, какое-то подобие мостков в воде и плавающий утиный выводок, причем утята были разных размеров. Этот рисунок, мною потом многократно воспроизведенный, крепко запечатлелся в памяти.

Обдорские поклонники Дианы знали толк в хороших охотничьих собаках. Сколько помню себя, столько и своих мохнатых друзей детства. Когда я родился, в доме жили старая вогульская лайка Серка (недолго) и кофейно-пегий пойнтер Найда, привезенные отцом с севера Пермской области.

Передо мной четкая студийная фотография 1926 года. Девятнадцатилетний отец сидит с ружьем на коленях на фоне панно, изображающего лес. На декоративном заборе из березовых жердей висит патронташ, а рядом Найда, стройная, как хорошо вылепленная скульптура. Представляю ее в стойке! Сохранился и маленький пожелтевший любительский снимок осени 1929 года. Отец в обнимку с Найдой, рядом висят четыре тетерева и огромный журавль, которого она подраненного разыскала в болоте и добрала. Несмотря на короткую шерсть и раннюю специализацию по болотной дичи и выводкам тетеревов, эта собака прекрасно работала по уткам на кочковатой пойме у Салехарда.

На одной из послевоенных охот отец показал мне место, где Найда в вечерних сумерках смело атаковала на мелком илистом озере молодого лебедя. Она догнала его во время разбега для взлета и крепко вцепилась зубами в хвост. Сильная птица легко вырвалась и ударом крыла отбросила собаку. Мокрая и грязная Найда снова догнала и остановила лебедя, получив опять добрую оплеуху. И так три раза, пока лебедь не оторвался от преследования уже на берегу и, наконец, взлетел, но попал под выстрел.

В наше время неэтично писать о красавце лебеде как о дичи, а ведь до 50 - х годов их не только стреляли ради мяса и пуха охотники, но и бочками загоняли в кооперацию. Я взял этот факт по трем причинам. Во - первых, как пример азарта и смелости собаки. Во - вторых, он имел своеобразную моральную оценку. Дед Владимир Иванович, тоже учитель, так возмутился, что здесь же на охоте демонстративно сломал пополам свое ружье и навсегда перестал охотиться. А в - третьих... сюжет еще получит в повествовании свое развитие.

В старости Найда ослепла. Однажды вьюжным мартовским вечером 1936 года подошла к деду и бабушке, ткнулась мордой каждому в колени, как бы прощаясь, попросилась на улицу и исчезла. В начале лета ее нашли на могиле прабабушки, ухаживавшей за ней со щенячьего возраста.

Знал я и других легавых собак. У дяди был крапчатый английский сеттер—лаверак, у близкого друга отца—черно - подпалый шотландский сеттер-гордон, у соседа — рыжий ирландский. Эти породы в отличие от гладкошерстного пойнтера с тонким хвостом - прутом имели длинную волнистую шерсть и красивые хвосты под названием «перо». Они лучше подходили для утиной охоты, а болотной дичью тогда, как впрочем и теперь, почти никто не занимался.

Не могу не сказать и о единственном в Салехарде русском пегом гончем, которого видел при сборах на осеннюю охоту. Он был по совместительству утятником, т.к. работать по основной профессии мог только какой -нибудь месяц, пока лесотундра не заметалась глубоким снегом. Тогда хозяин приглашал друзей на зайцев и, как правило, все возвращались с трофеем—беляки водились в изобилии. Были случаи, когда охотники наблюдали целые заячьи стаи. Еще в середине 50 - х годов сослуживец по Ямальской комплексной сельхозстанции известный ученый - охотовед В.П.Макридин рассказывал мне, что видел большие скопления беляков в Ненецком округе во время своих многочисленных охот на волков с самолета.

Хорошо помню возвращение отца с большого коллективного выезда и свежий рассказ о нем. В октябре, по последней воде, кто - то подсмотрел, что на высоком большом обском острове Княжеский с весны осталось много зайцев. Десять охотников отправились туда на четырехвесельном неводнике и за воскресенье взяли 115 беляков.

Все, как в Европе,—говорил отец, имея в виду не только организованный характер охоты (установка стрелков на номера, выкладку трофеев). Мясо сдали в кооперацию, шкуры—в «Заготживсырьё», получив за них боеприпасы и кожу на бродни. Чемпионом выезда стал Константин Гладовский, ухитрившийся взять на дуплет двух косых, да еще застрелить «влет» лису, прыгнувшую со своей лежки на стогу. Главным героем, конечно, был тот гончак.

В общем, породистых охотничьих собак в довоенном Салехарде было гораздо больше, чем теперь. Этому способствовали и культура охотников, и большой приток новых людей (политссылка, крупная

база Главного управления Северного морского пути). Собак привозили самых разных, порой невиданных на Севере служебных и декоративных.

В 1937 году репрессировали одного работника Главсевморпути и жена в связи с отъездом отдала отцу редкого тогда черного ретривера Мишку. Это английская легавая, внешне очень похожая на сеттера, может быть, уши чуть покороче да морда помощней. Характерный признак—довольно большая мочка носа с открытыми ноздрями. В нашу семью пес входил трудно. Несколько раз убегал в прежнюю квартиру. Первое время был злобен даже с отцом, хотя детей любил. После ареста хозяина Мишка возненавидел людей в шинелях. Однажды покусал ехавшего на велосипеде милиционера, за что получил два выстрела в угон из револьвера. К счастью, пули ничего жизненноважного не заделали, а так и остались под кожей. Он безотказно и четко проработал по уткам пять лет, что доводилось много раз наблюдать и мне.

Дома, у родственников и знакомых я повидал и держал в руках ружья многих систем и фирм. Одно время у отца был редкий по тому времени полуавтомат «Браунинг», с которым он расстался только из-за отсутствия картонных гильз. Я старался быть рядом при всех ружейных чистках, а начинал с удаления грязи острой палочкой с ребристой поверхности затыльников и обтирания прикладов.

Позже подобной палочкой, но уже с масляной тряпкой стал чистить цевье и колодку. Наружная ржавчина удалялась той же деревяшкой и затиралась карандашным графитом. Потом доверили мыть стволы в горячей воде с мылом, чтобы снять слой нагара от дымного пороха. Шомпол при этом работал как насос. Затем надо было протирать насухо до тех пор, пока на белой тряпочке, намотанной на вишер, не исчезнут следы грязи, а после наносить смазку изнутри и снаружи.

Отец всю жизнь любил обильно смазывать ружья (кроме зимних охот), даже когда появились хромированные стволы. А довоенные ружья, особенно импортные, легко подвергались коррозии и нуждались в чистке даже на охоте. Не признавал он и почти хрестоматийных приемов—удалять из стволов смазку перед стрельбой, снимать «освинцовку» металлическим «ершом» и также аксаковского совета—выстрелить из ружья перед зимним хранением зарядом дымного пороха. Только сильно загрязненные стволы он чистил промасленной волосяной щеткой с печной золой.

Постепенно я постиг порядок сборки, разборки и названия основных частей. Слова - то какие: «болт Гринера», «эжектор», «антабка»... Иногда отец давал «щелкнуть», предварительно вложив в стволы стреляные гильзы, чтобы не портить пружины.

С нетерпением ждал тот момент, когда смогу выстрелить по - настоящему. Вот будет рука дотягиваться до спускового крючка, тогда попробуешь, успокаивал отец. И тут детский ум нашел неожиданное решение: «А у малопульки уже достаает!» Старенькую винтовку «ТОЗ - 7» мне изредка давали поиграть без затвора, разумеется. Она была небольшая, намного легче и изящнее широко известной «ТОЗ - 8». Взрослые постоянно стреляли из нее по мишеням, развешанным на старом, рубленом из толстых бревен, хлеме. На нашем громадном, с двух сторон окруженном сараями, конюшнями и складами, бывшем дворе купца Чечурова было постоянное место для стрельбы с подстилкой из сена или рогож (по сезону) и ящиком для упора.

Там пяти лет отроду я произвел первый выстрел и сразу по мишени с предварительными разъяснениями, как правильно лечь, затаить дыхание и мягко нажать на спуск. На рисунках показывали как должна быть расположена мушка по отношению к прицелу (строго в центре и «под обрез» с ее верхней линией) и к мишени (точно под яблочко). Но, увы, урок не впрок, с первого раза не попал даже в «молоко» — белую часть мишени. Но потом не пропускал почти ни одной стрельбы и меня иногда стали брать в тир.

Он размещался в центре города, в глубине дворов, между старым зданием милиции и детсадом, граничащим с бывшим Домом пионеров (угол улиц Ленина и Свердлова). Стрельбище было 25 - метровое, узкое, огороженное с боковых сторон высоким забором из очень толстых грубо отесанных колотых горбылей, горизонтально вставленных в пазы на столбах. Там мне очень понравилось: обстановка необычная и разговоры. Смотрят стрелки свои мишени и кричат — девятка на трех часах, восьмерка на двенадцати. Или все с интересом рассматривают первую появившуюся винтовку «ТОЗ - 9» с обоймой на пять патронов — как удобно на морозе, не надо после каждого выстрела голыми пальцами вставлять патроны.

Но когда я попросился туда снова, мне ответили, что тир сломали, потому что скоро будет новый типовой на строящемся стадионе.

А куда девался старый? Хотя это и не охотничья тема, но поскольку сработало охотничье качество — наблюдательность, скажу, что через

45 лет на этом месте по одному почерневшему, но не сгнившему горбылю, я помог местным журналистам правильно определить точное местонахождение помещения для содержания и пыток жертв зловещего тридцать седьмого. Оно было построено заключенными из этих самых горбылей. Истязали там, наверное, и старого хозяина нашей собаки. И только сейчас я заметил, какое зловещее сочетание фамилий в названиях окружающих до сих пор это место улиц. А ведь там мог быть и новый хозяин Мишки, и не писал бы я этих заметок...

Но, спасибо, Бог отвел, и в декабре следующего года на лыжной прогулке с упора на руку отца я выстрелил из ружья 16 калибра. А чтобы дотянуться до заднего спуска, пришлось снимать с правого плеча ватник. Попадание в цель было точное. Центром снаряда—определил отец по осыпи дрови на плотном снегу.

Как хорошо, что суждено мне было в раннем детстве получить достаточно обширную «аудио - видеоинформацию» об охотничьей жизни. Кое - что познал, кое - что усвоил, что - то отложилось на долгие годы. А впереди было самое главное, долгожданное событие— выход на настоящую охоту.

-45444 -

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

RO

2. Первое поле

И вот исторический момент—моя первая в жизни охота. Августовский теплый, ясный вечер 1939 года, сонно - спокойная золотистая гладь Полуя. За ним светло - зеленая пойма с желто - коричневыми в предзакатном солнце стегами. А на реке, чуть ли не от самой пароходной пристани и дальше вверх по течению, на сколько хватало глаз, бессчетные выводки хохлатых и морских чернетей, синьги, гоголя, линияющие взрослые нырки. На илистых отмелях по Полуйской лайде и по ручьям, оставшимся от высохшего Поляптинского сора,—стайки серых уток.

Вся эта картина открылась, когда мы—отец, я и Мишка—подошли к крутой деревянной лестнице у бывшего здания горсовета (теперь там детская поликлиника). Переехав на лодке Полуй, некоторое время шли по стерне. Дальше начинался сырой кочкарник, и отец помог мне взобраться на стог вместе с кожаной сумкой, где лежали бутылка молока и кусок черного хлеба. С высоты я видел узкие полоски невысокого тальника, проточки и мелкие озера. На одном от прибрежной густой осоки вылетела утка, свернулась комком и упала, а после выстрела черным порохом легло облачко белого дыма. Мишка сплавал за трофеем.

Начинало смеркаться, раздавались еще выстрелы и были видны огненные снопы с искрами, вылетающие из стволов. Вернулся отец в полной темноте с несколькими утками. Мокрую собаку уложили на корме, прикрыв овчиной, вырезанной из старого полушубка.

Той осенью больше побывать на охоте не удалось. Отец уехал на уборочную, а в первой половине сентября выпал да так и не растаял снег. Было холодно и ветрено. В начале ноября как обычно наступала на несколько дней легкая оттепель. Как-то в субботу я допоздна прокатался с друзьями на лыжах с горы и пришел домой весь в снегу. Отец сидел у чемодана с огнеприпасами, как их тогда называли. Значит, предстоит охота.

—Суши скорее валенки и снимай с чердака мои лыжи,—скомандовал он,—завтра, может быть, увидишь зайца. У нас на станции, рядом с блочной теплицей, все истоптано следами. К утру какой -нибудь косой, гляди, и заляжет поблизости.

С рассветом мы были на месте. Отец начал сразу тропить, а я наблюдал из - за поленницы дров. Беляк вскоре выскочил из - под

жердевой изгороди и тут же попал под выстрел. Когда я подбежал, он еще судорожно перебирал лапками.

Отец предостерег: «Бойся задних лап раненого зайца, может сильно поцарапать». И, стукнув его для верности по загривку ребром ладони, привязал к торокам. Тут же по свежим следам от обратного, от лежки до тропы, он показал мне все хитрости заячьего запутывания следов: прыжок ->«скидку», двойную петлю и «сдваивание»—двойной проход по следу, но в другую сторону.

Мы побродили по ближайшим тальникам, где я впервые посмотрел страницы зимней лесной книги. Больше всего «автографов» оставили белые куропатки: многочисленные пересекающиеся зубчатые дорожки от их мохнатых лапок, ямки от ночных «снежных чумов» с кучками помета и росчерки крыльями при взлете. Вот чуть скошенные сдвоенные отпечатки лапок горносталя, ниточки продолговатых лисьих и круглых песцовых следов и, словно натыканные прутиком, следы мышей.

К сожалению, куропаток не встретили. Но видели их врагов. Вдали, на сухой сломанной ели, столбиком сидела белая полярная сова, стрелой пронесся большой ястреб - тетеревиный. Оттепель усилилась, снег стал прилипать к лыжам. Пришлось выходить на гладкую конную дорогу и брать их на буксир.

О весенней охоте, в силу ее опасности, мне было думать еще рано. Все помнили коварный отзимок 1938 года, когда смерзшимся снегом сковало мелкие речки и протоки. Несколько охотников обморозились, двое погибли. Отец со свояком Николаем Яковлевым выехали тогда по заберегам и рубили в тальниках просеку, чтобы утки с полуйской поймы летели по ней прямо к их скрадкам у горы. Это и спасло. По замороженным в снежное месиво веткам они переползли на коренной берег и пришли домой пешком.

Опасность таилась и в высоком уровне воды. Если уж разгуливался шторм, то волны не встречали преград на многих километрах. А холод, сидение в снежных ямах - скрадках, ночевки на заснеженных берегах под перевернутой лодкой?!

Но на осенние охоты 1940 - 1941 годов отец брал меня, уже школьника, довольно часто. Они были в общем - то похожие из-за позднего спада воды. Ездили мы только на «вечерники», без ночевки, в одно и то же место, Кысканы. Название произошло от хантыйского слова «касқан»(перевес)—старинная, запрещенная в 30 - е годы

ловушка для дичи. Они были двух видов—с сетью падающей сверху при полете уток (в лесу), или наоборот, поднимающейся с земли (в пойме). Непременной принадлежностью их являлись два длинных столба—жерди с блоками. Под Обдорском перевесы ставили еще в незапамятные времена, когда росли высокие кусты, в которых делали специальные просеки.

В мое время это был большой залив Поляптинской поймы, изрезанный многочисленными мысами в обрамлении густых низких ивняков. То, что от него осталось сейчас, после застройки, находится между опытной сельхозстанцией и пороховыми складами. Здесь водоплавающие птицы весной и осенью «спрямляли» свой путь от Полуя до Оби. Они и сейчас летят там, только очень высоко. А раньше на пойменных мысах и выше, по горным ручьям и озерам, стояли капитальные станки - засидки на гусей. Многие горожане там охотились и на уток.

Мы заезжали на калданке прямо в густые тальники, предварительно расставив 10 - 15 манщиков. Кустики, покрытые листвой, торчали из воды примерно на метр и отлично нас маскировали. Вечерами по разливу вдоль и поперек носились местные утки и снижались северные, прилетающие из - за горы, с Оби. Совсем рядом был сухой бугорок с кострищем, где я иногда оставался с Мишкой и смотрел как отец стрелял. Если трофеи падали в воду, он выталкивался веслом и подбирал, если на берег или в затопленные кусты—работала собака.

В этих поездках замечал, как постепенно наступает закат и сама осень, как меняется цвет облаков, зари, травы, листьев. Видел в полете много разных птиц: гусей, чаек, сов, не говоря уж о разных породах уток и куликов.

Видя улетающие стаи в сумерках, слыша свист их крыльев в темном ночном небе, я спрашивал отца, как же они определяют свой путь. Он отвечал, что по звездам, по Млечному пути.

—А в пасмурную погоду?

—Пользуются каким - то своим «компасом», устроенным по принципу нашего магнитного,—объяснил отец.

—А как же узнают места зимовок и пути перелетов?

—Здесь еще много неизведанного и одним из ключей к тайнам природы является кольцевание. Одно такое кольцо сняли весной с лапки чирка в соседнем районе, скоро его пришлют.

Домой из Кысканов мы плыли по течению, и я часто сидел на

веслах, учился грести. Для более сильного гребка ручки весел сантиметров на 20 заходили друг на друга. Их надо было держать одну над другой. Пока научился, долго до крови царапал левую руку ногтями правой. На верткой калданке надо уметь не только грести, но и делать развороты, чтобы подобрать утку или поставить манщик. А самое главное—держать равновесие, правильно передвигаться по лодке, садиться и выходить, иначе окажешься в воде.

И еще одно дорожное наблюдение. Если в 1940 году охотники сидели через каждые 300 метров, то в 1941 их заметно поубавилось—многие ушли на фронт.

Через несколько дней я впервые держал в руках маленькое алюминиевое колечко, с номером и тремя выбитыми буквами «БЮН», что означало — биостанция юных натуралистов. Московские юннаты помогали ученым метить птиц. Кольцо отправили в Москву и уже в феврале пришел ответ, что им был помечен чирок-трескунок в Астраханском заповеднике. Отец сообщил об этом в салехардской газете «Красный Север», написал о значении кольцевания, некоторых местах зимовок уток, гнездящихся на Ямале, о порядке пересылки колец в Центральное бюро кольцевания.

Это была своего рода эстафетная палочка, которую я подхватил через 20 лет, когда начал собирать и отправлять в Москву метки, а затем писать сообщения и статьи о кольцевании птиц.

В начале июня 1942 года, наконец, довелось впервые побывать на весенней охоте. Уже после ледохода и пролета серых уток, когда пойма была почти полностью затоплена водой, отец и его друг и крестник по охоте зубной техник Георгий Кошкаров решили провести воскресенье у горы, в том месте, где протока Карыч-Могот круто отворачивает от нее к Полую. Этот поворот многие салехардцы знают по построенному позже железнодорожному мостику и находящейся рядом безлесной, лысой горе среди лесотундры.

В субботу после работы на двух калданках мы поехали туда напрямик по Поляптинскому сору, чтобы не преодолевать по речкам силу встречного течения. Вечер был тихий и слегка пасмурный. Вода на широком разливе казалась серовато-свинцовой, как и сплошные облака над окаймлявшей его слева горой. Дорога заняла часа полтора-два. Лодки шли рядом, и гребцы постоянно перекликались. Георгий Семенович — невысокий, крепкий, молодой мужчина, полный юмора и энергии—постоянно что-то вспоминал, порой подтрунивал над

напарником, а тот парировал, и они вместе уже не помню над чем смеялись.

Из сора по небольшой промоине протолкались на Карыч-Могот и картина сразу изменилась. Правый крутой берег (от нас он был слева) обрывался темно-синими сугробами в воду, казавшуюся зловеще темной в тени высоких черных кустов. Левый, более пологий и открытый, выглядел веселее в свете появившегося над Уралом предзакатного солнца. И тут протока как бы разорвалась. Влево, окаймленный высоким мысом, открылся полукруглый залив, прорезанный в глубине неширокой проточкой, текущей вдоль горы к Поляпте.

Описание дороги получилось довольно подробным, потому что я позже множество раз ездил сюда. А вот самую охоту запомнил отдельными, но яркими картинками-кадрами. Скрадки отца — на высоком мысу напротив рукотворной просеки и дяди Гоши — в глубине залива у прорвы. Его коническую палатку недалеко в кустах, костер.

Затем я в скрадке у отца вижу несколько красивых налетов. Забираюсь от холода в свою овчинную малицу и засыпаю. Утром проснулся от почти непрерывных выстрелов. Смотрю — мужчины вдвоем гоняются за подранком. Утка, как выяснилось — гоголь, медленно всплывает, показав только голову, затем мгновенно, с сильным плеском ныряет, чтобы вынырнуть в неожиданном месте. Девять выстрелов не дали результата.

После чая охотники легли спать, а я сидел один в скрадке, впервые ощутив всю красоту весенней охоты. Потеплело, взошло солнце, окрасив слегка рябую от небольшого ветра воду в синий, искрящийся цвет. Совсем рядом, на горе дерутся красноголовые петухи-куропачи, с крикливым бормотанием поднимаются почти вертикально в брачном полете. Одна куропатка, совершенно белая, несколько раз пролетает невдалеке.

Высоко в небе делает крутые «горки» и пикирует к земле бекас-барашек. Его вибрирующие перья издают звук, похожий на бляение овцы. Отец о нем мне рассказывал и показывал убитого, но токовой полет наблюдаю впервые. Над поймой с криком и шумом носятся свадьбы местных речных уток: шилохвостей, свиязей, чирков. Слышатся страстные крики селезней: «крын-крын», «сви-у, сви-у», «тринь-тринь» и громкое кряканье самок. На противоположном берегу турнир разноцветных петушков-турухтанов.

Слышится резкий свист крыльев: «си-си-си», шлепки по воде и рядом с манщиками садится пятерка гоголей. Четыре бело-пестрых селезня с зелеными головами и темно-бурая уточка. Хочу рассмотреть получше, забыв о стоящем рядом ружье, но они мгновенно срываются, как бы разбегаясь по воде с таким же звонким свистом.

Над кустами взвивается дымок. Меня зовут на обед. Пока варились утки, мне дали пострелять из мелкокалиберной винтовки по консервным банкам, развешанным на кустах в сторону горы, где в то время никто не ходил. Я клал тозовку на упор и стрелял почти без промаха. Сами мужчины легко попадали в донца папковых гильз. В это время к нам подъехали, возвращавшиеся с охоты, братья Лучики. Старший, Николай, на калданке, младший — на какой-то долбленке таежного типа с длинным двухлопастным веслом. Откуда ни возьмись над манщиками Георгия сыграла стайка хохлатых чернетей и пошла на второй заход. Младший Лучик слегка привстал, сделал дуплет, и верткая лодка, накренившись, зачерпнула воду, хорошо, что у самого берега. «Купальщика» согрели спиртом и утиным супом. Пока сидели у костра, снимали манщики и лагерь, его одежда подсохла и все кавалькадой поехали домой, уже пользуясь быстрым речным течением.

Осенью предстоял еще один знаменательный момент — добыча из ружья первой дичи. 18 августа, за три дня до отъезда в Красную Армию, отец нашел время вывезти меня на охоту с утра. Пойма сильно обмелела. Мы переехали через Полуй и напротив пристани заехали в узкую канавку под названием «Дарьина дыра». За ней был небольшой волок с круглыми жердями, по которым перекатили калданку. И снова канавка, переходящая в залив. Чтобы попасть на место, нам пришлось перетаскиваться еще через небольшую гривку. Вдруг метрах в двадцати на кочку опустился турухтан. Отец глазами показал на ружье. Мишка замер. Я осторожно взял «Зауэр-Аист» 16 калибра, взвел левый курок, положил для упора на корму лодки, прицелился и выстрелил. Кулик даже не трепыхнулся.

«Взять!» — гордо и радостно скомандовал я собаке. Она резко рванулась за первой в сезоне дичью и с высоко поднятой головой и горящими глазами торжественно подала мне. Отец коротко похвалил и как-то неожиданно просто сказал: «Теперь это ружье будет твоим».

Только много позже я вдумался в завещательный смысл этих слов, сказанных перед отправкой на войну.

Обретение первого трофея и собственного ружья стали радостной доминантой этой охоты, хотя все время нависала и тяжесть от предстоящего расставания с отцом.

По протоке приехали к озерам. Там с моими короткими яловыми сапогами делать было нечего. Отец повесил на куст часы, сказал к какому времени сварить обед и ушел с Мишкой на охоту. Я достал из лодки топорик, срубил две таловые ветки с развилками и толстую перекладину, на которую повесил котелок и чайник. Заготовил дрова и наломал в тальниках тонких, как спичка, засохших веточек на растопку. За хлопотами с костром время шло незаметно. В поисках валежника я вышел к заливу, где почти из-под ног выплыли сидевшие в прибрежной осоке несколько длинношеих шилохвостей. А к невиданной ранее близко желтой трясогузке-плиске я подошел на метр-полтора и внимательно рассмотрел. До чего не пуганными были птицы?!

Вернувшись с добычей отцу я сразу сказал об утках, на что он посмеялся и ответил, что они, наверняка, уже улетели. Мы пили настоящий охотничий чай, ели дымящуюся картошку, а Мишка лакал из своей чашки молоко. Домой поехали не дожидаясь вечерней зари, т. к. пароход под очередной «эшелон мобилизованных в Действующую Армию» уже стоял у причала рыбокомбината, загружаясь консервами.

Я сидел «на веслах» и тихо греб, отец помогал мне сильными гребками кормового весла. Вдруг высоко, в еще светлом небе, появилась белая точка. Мне показалось, что летит птица, серебристая в вечерних лучах солнца.

- Папа, смотри, как высоко залетела чайка!

Он слегка развернул лодку и улыбнулся, это не чайка, а Венера — первая утренняя и вечерняя звезда. Очень метко называли ее ненцы — «звезда зари». Сейчас она разгорится и скоро «погаснет», зато утром и взойдет раньше всех, и сиять будет дольше всех.

В предсумеречном ясном небе взошла платиновая Венера, ранняя звезда моей охоты. Я не сводил с нее глаз и видел как она становится все ярче и ярче. На утро встал очень рано, чтобы убедиться что Венера еще светит. Она, как и вчера, одна красовалась на небе, только в противоположной, восточной стороне и как бы ободряла меня, слегка подмигивая.

Дед-математик, проходивший в начале века курс «Космогонии» в Москве, в обсерватории Петровской (Тимирязевской) академии, про-

читал мне маленькую лекцию о Венере. Я узнал, что эта планета — самое яркое после солнца светило на небе, у нее есть смена фаз как у Луны, а белая она из-за плотной атмосферы. Римляне почитали богиню Венеру как покровительницу весны и садов, а впоследствии отождествляли с греческой богиней Афродитой и почитали уже как богиню любви и красоты.

Планетой любви было освещено и освящено мое первое поле. Под ней прошла вся долгая охотничья жизнь.

В тот же день я тщательно прочистил и смазал ружья, а бабушка обшила их от пыли какой-то материей и спрятала на дно сундука. Чемодан с боеприпасами дед до времени запечатал именной сургучной печатью. А в моем полном распоряжении оставались собака и лодка.

Мишка не вынес разлуки со вторым хозяином — заскучал, заболел и месяца через два умер. Калданка хранилась во дворе местного старожила Климентия Петровича Торлопова, известного в городе рыбака и одного из первых огородников. С младшим сыном его, Левой, который был старше меня на три года, я подружился и много лет вместе охотился и рыбачил.

Летом 1943 года мы занялись почти ежедневной ловлей ершей на закидушки. Сначала бросали их с лодки, поставленной на якорь. Когда к электростанции подводили плоты для топки прожорливого локомотивного котла, перекочевывали на них. Лодку использовали для завоза переметов. После того как плоты «обсыхали», перебирались на другие, еще плавающие у дровяных складов напротив пристани.

Рыбачили и днем, и белыми полярными ночами. Впервые перед моими глазами в динамике предстали все фенофазы. Первые атаки комаров, затем в начале спада воды — мошка, массовый лет стрекоз и в течение нескольких вечеров — тучи мотыльков над водой. В июле на реке появлялись стаи черных, как смоль, линяющих селезней синьги, к августу — первые выводки нырков, затем по илистым берегам — жирующие серые утки, мелкие кулики, а на пойме, по кошенине — средние и большие кроншнепы. В реке подрастали щурогайки, которых ловили проволочными петельками или на крючки с наживкой из их же кишок, впрочем, они жадно брали и на белую пуговицу, и на папиросный окурочок.

Менялись краски ландшафта. К августу кончались белые ночи. Яркие золотые закаты над розовым заснеженным Полярным Уралом (горы, примерно, в 50 километрах от Салехарда) сменялись лилово-

серебряными осенними зорями. По утрам на четверть небосвода разливалась позолоченная бирюза восхода, над горизонтом вспыхивало большое малиновое солнце как в июле. Цвет реки из молочно-розового и светло-голубого превращался в желто-серый. Вода как бы слегка густела и в штиль казалась неподвижной, что вместе с прозрачным стеклянным воздухом усиливало картину всеобщего покоя. Много стихов и прозы о природе прочитал я после, но точнее тютчевского описания этой поры не встречал:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

С открытием охоты Лева стал изредка брать одноствольную ижевку с двумя-тремя патронами и стрелял подплывающих к плотам нырков. Моя охота оставалась безружейной.

Иногда весной и осенью добывал из рогатки куликов, а в начале и конце зимы ловил пуночек силками-пленками, сплетенными из волос лошадиного хвоста. В течение многих десятилетий, а может быть и столетий, они считались дичью и уничтожались в огромных количествах не только для еды, но и на продажу. Помню, в раннем детстве мама привезла из командировки решето мороженых пуночек, купленных по дороге.

На них, можно сказать, велась настоящая охота. Особенно ждали весеннего прилета, когда куропаток уже не добывали, а водоплавающих птиц еще долго ждать. На льду реки у Салехарда ребята заранее раскладывали привезенные на нарточках кучки коровьего навоза, рассыпали золу, чтобы ускорить проявление проталин. Конский навоз с вкраплениями овса растаивали, размельчали и применяли в виде приманки. Приближенные к конюхам могли бросить и горсть зерна.

Петельки-пленки привязывали к длинным ниткам и зигзагами прибивали к земле колышками или большими гвоздями. Умельцы укрепляли пленки на досках при помощи шила и деревянных шпилек. Некоторые устанавливали на кольях сети или просто ящик на палочку, от которой шла длинная веревка. Собралось у сети или под ящиком несколько птичек — дерг — и все накрыты. Для укрытия или наблюдения рядом ставились скрадки из снежных глыб с оконцами. Кое-кто постреливал пуночек из ружей и мелкокалиберных винтовок.

Сейчас, слава Богу, запрещена не только добыча, но и ловля пуночек для содержания в клетках. И пусть их весеннее появление еще долгие годы радует и волнует северян.

А пока я лишь завидовал старшим ребятам, которые из чего только не стреляли. Левин сверстник и мой сосед Володя Протопопов выставлял манжики прямо у плотов и подкарауливал уток со старинной одностволкой-централкой. У нее был боковой курок и нижний кривой рычаг для отпирания-запирания ствола. У маленького ростом Миши Мамеева был короткий, кустарно расверленный под 32 калибр кавалерийский карабин, у Володи Падерина — солидная двустволка 10 калибра с грубо покрашенными в зеленый цвет стволами, у братьев Бояркиных — одностволка с укороченными для детей стволом и прикладом. Часто встречались бывшие военные винтовки: системы Бердана (берданки) и расверленные под охотничий патрон трехлинейки — «фроловки» — так называемые «высверлки». В некоторых семьях сохранились дореволюционные российские ружья: прекрасные двуствольные «императорки», «петровки» и одноствольные ижевки со сплошной прицельной планкой.

С одноклассником Володей Першиным мы с неделю (пока не отобрали взрослые) владели допотопной пистонной одностволкой, из которой стреляли в цель. Заряжалась она через ствол. Сначала сыпали мерку пороха, затем загоняли шомполом пыж из газеты, после — дробь и снова запыхивали. На специальную трубку подсыпали немного пороха (затравка) и надевали узкий и более длинный, чем у централок, капсюль. Курок был толстый, причудливо изогнутый с углублением на ударной части.

Шомполки-приходилось видеть самые разные — мелкокалиберные, беличьи, заряжавшиеся одной дробинкой; огромные гусятницы с граненым стволом калибра современной ракетницы; шикарные двустволки с укрепленным под стволами шомполом из дорогих пород дерева. Ружья пистонного боя долго водились у северных охотников.

В феврале 1944 года неожиданно в отпуск после тяжелой контузии на несколько дней приехал с фронта отец. Как раз в День Красной Армии, на торжественном заседании его пригласили в президиум, объявив, что в зале находится фронтовик, капитан-орденоносец Патрикеев. Не могу передать все свои чувства, когда под аплодисменты он шел на сцену в перетянутой ремнем и портупеей гимнастерке с полевым планшетом и пистолетом «ТТ».

Этот пистолет доставил, наверное, самую главную радость от приезда отца, хотя для меня у него был персональный и бесценный по тем временам подарок — немецкий наручный компас. Его светящийся, с подробной градуировкой циферблат имел вращающееся кольцо с визиром, а внутрь для смягчения магнитных помех был залит спирт. Точный и красивый прибор привлекал одним своим видом. Мы с друзьями брали его на все зимние и летние прогулки, играючи научились ходить по азимуту.

Но компас я со временем передал младшим братьям и забыл, а вот у «ТТ» помню даже номер — ЛА-555. Еще бы, отец показал мне узелок автоматных патронов, сделанный из носового платка, как стимул для овладения материальной частью. Разобрал пистолет, назвал основные части, объяснил их взаимодействие. После совместной чистки «ТТ» (без обоймы) был на вечер отдан мне вместе с кобурой, которую я прицепил на ремень.

На утро последовала команда:

- Идем за Полуй, теорию нужно подтверждать практикой.

Почти весь боеприпас я выстрелял по торцу огромного сухого бревна, торчащего из дровяного штабеля. Раньше мне приходилось стрелять из спортивного однозарядного мелкокалиберного пистолета-переломки, но с упора. А здесь самозарядное полуавтоматическое оружие, с отходящей назад рамкой. Попробуй опереться на левую руку — того и гляди получишь удар в нос. Сделав несколько выстрелов одной (дрожащей) рукой, я отдохнул и начал палить двумя руками, выпуская сразу по обойме. Попаданий почти не было. Зато отец показал класс, выбив на доске неровную, правда, букву «П» и рядом точку.

Своим друзьям - охотникам он рассказывал, что в прифронтовой зоне много дичи, иногда есть возможность и даже необходимость поохотиться, поэтому увез ружье и малокалиберную винтовку.

До самой весны я жил под впечатлением этого счастливого события и как никогда ждал прилета пуночек, потому что бабушка по матери обещала дать оставшееся от рано умершего деда ружье. В тот год стаи пуночек были необыкновенно большие. Когда они опускались на потемневший снег, казалось, пролетал настоящий снежный заряд. Охота была очень удачной. За несколько выстрелов взяли более 20 штук. Я и сейчас помню суп, который сварили из них. Жирные маленькие тушки плавали в кастрюле как пельмени. Но дробь вскоре

кончилась, а когда баба Паша заметила, что мы засыпаем в патроны смесь мелких гаек и болтов, конфисковала ружье.

С этим временем связаны и первые пиротехнические опыты. В семьях, где порох лежал открыто, дети частенько его использовали в недозволенных целях. В ходу были пистолеты-самопалы со стволами из заклепанных с одного конца медных трубок. Они набивались порохом, а к поперечному распилу в «казенной части» привязывали две-три спички. Коробком их поджигали, целились и ждали выстрела. К несчастью, иногда стволы разрывало и стрелки получали ранения.

Еще опаснее были так называемые «гранаты». Металлическую ружейную гильзу начиняли порохом, заклепывали верх, а у донца делали такой же пропил, но запал состоял уже из 4-5 спичек, чтобы их постепенное загорание дало возможность адской машинке отлететь на безопасное расстояние — метров на 20-30 и взорваться в воздухе. Тут неудачники в лучшем случае отделялись долго исчезающими синими точками — следами от пороха на лице и руках (в том числе автор этих строк), а иные лишались и пальцев, если снаряд взрывался близко.

Как не вспомнить народную мудрость — с огнем шутки плохи. Но у меня в связи с одной трагикомической ситуацией всегда рядом другая поговорка: и на старуху бывает проруха. Одинокая бабушка-соседка, видя, что мы с ребятами то стреляем из самопалов-«поджигов», то возимся с ружьями, предложила нам немного пороха. Но за встречную услугу — изготовить из полена «мину», чтобы отпугнуть воров, растаскивающих ее скудный запас дров.

Трудно сейчас морально оценить наш и ее поступок, но мы коловоротом высверлили в дереве дыру, засыпали заряд пороха и заткнули стружкой.

-Много не кладите, — приговаривала «заказчица», — а то печку разнесет. И оказалась права. Полено по ошибке попало в ее же печь. Раздался легкий взрыв, в открывшуюся дверцу полетели угли, сажа, зола и облако сизого вонючего дыма. Бабку, видимо, наказал сам Бог, а нам остается только раскаиваться...

И опять весна с недоступной без отца охотой. Леву тоже одного не отпускали, но выручил его брат Валентин, вернувшийся с фронта по ранению.

- Ну-ка, охотники, прокатите меня до Кысканов — так соскучился по родным местам, сердце болит больше, чем подбитая рука.

С одной одностволкой, без манщиков мы просидели весь вечер в открытом срубе сергеевского гусяного станка, созерцая весеннее оживление в птичьем мире. Добычей стали несколько турухтанов и какой-то неосторожный белолобый гусь, сбитыйевой.

Потом опять начали традиционный лов ершей. Война и здесь внесла свои коррективы. Почти исчезли фабричные крючки, а самодельные были ненадежны. Загнутые из раскаленных иголок, не имели жала — рыбки часто срывались. Крючки с жалом, сделанные из проволоки, разгибались или, наоборот, ломались из-за некачественной закалки. Лески из хлопчатобумажных или льняных ниток и переметные бечевки, сплетенные из мочала, часто рвались. И чтобы спасти дефицитные снасти, приходилось постоянно держать наготове маленький якорек-кошку.

Изменились и цели рыбалки — из развлекательной и домашне-заготовительной она превратилась в хозяйственно-политическую кампанию — лов рыбы в Фонд обороны. Улов сдавали на приемный пункт недалеко от пристани. Некоторые чемпионы добывали за ночь 300 ершей. В сумме это были дополнительные консервы и рыбная крупа для бойцов.

В июне, когда я с утра разматывал во дворе закидушки, бабушка через открытое окно увидела небольшой серебристый самолет, делавший над городом круг на невиданной тогда скорости. Примерно через час в воротах появился отец в сопровождении седого пехотного майора и молодого морского летчика, капитан-лейтенанта в щегольской черной форме. После обеда офицеры уехали на полуглиссере в гидропорт, предупредив отца, что прилетят дня через три. А мне было указано срочно собираться на охоту.

С какой радостью я резал швы на ружейной обшивке и отдира л сургуч с охотничьего чемодана, а потом облачался в здоровенные бродни. Отец даже не стал переодеваться — поехал в пилотке и сером плаще с зелеными полевыми погонами. Недалеко от города он сбил пролетающую над рекой чернозобую гагару, а вечером на сору удалось подкараулить селезня хохлатой чернети.

Приезд отца стал вдвойне неожиданным и радостным, т. к. после отпуска мы не получали от него никаких вестей, кроме одного «радиопривета». Были такие передачи, где говорилось: военнотружущий такой-то сообщает семье, что он жив, здоров и т. д. К сожалению, мама была в командировке и подъехала только через два дня, почти не

успев повидаться с мужем. В это время отец решал какие-то свои дела. Совершили мы с ним и два загородных выхода. В аэропорту он разговаривал по радию с экипажем, а на опытной сельхозстанции осмотрел теплицы и посевы, встречался с бывшими сослуживцами.

Во время прогулок мне снова посчастливилось пострелять из пистолета. На этот раз отец привез, кроме обычных, патроны с бронебойными пулями, отмеченными черной краской, зажигательными — с красной меткой и трассирующими — с зеленой. Бронебойной я пробил какую-то железяку от брошенной лебедки, зажигательной подпалил старый винный ящик, а эффект трассирующей, хотя и помешала воочию увидеть белая ночь, был знаком по военным фильмам и фронтовой кинохронике.

Более результативной, чем зимой, стала стрельба в цель обычными патронами. В небольшом овражке отец достал из планшета мягкий красный карандаш и нарисовал на телеграфном столбе овал диаметром сантиметров пятнадцать с жирной точкой в середине. Посоветовал пистолет подводить снизу к центру «мишени». Я стрелял одной рукой и сделал три попадания из восьми выстрелов с расстояния пяти-шести шагов.

В этот приезд отец более подробно и даже живописно рассказывал о птицах и зверях, встречавшихся в прифронтовой полосе, об особенностях их поведения. Например, зайцы, белки, мышевидные грызуны, хищные и воробьиные птицы стали меньше бояться людей. Однажды отец ехал на лодке с разведчиками по небольшой речке. При объезде затопленных кустарников на травянистой отмели услышали шум. Все насторожились и взяли автоматы на изготовку. Из кустов выплыла выдра и села на кочку. Усатый седой зверь спокойно чесался и умывался, не обращая внимания на вооруженных солдат.

Особенно ярко врезались в память рассказы о редких охотничьих вылазках, ставших возможным благодаря увезенному из дома оружию. Возвратившись из отпуска, отец нашел свою часть в одной из деревушек у озера Лосьвида б. Калининской области. Под окнами штабной избушки, в 200-300 метрах, начинался березовый лес. По кромке его часто мелькали силуэты мышкующих лисиц.

На первую охоту вышли вдвоем с командиром отдельного батальона подполковником Данилевичем. Он с винтовкой, отец с ружьем. Оба на лыжах и в маскировочных халатах. Вскоре заметили, что одна лиса спустилась в русло глубокой овражистой речки. Быстро двину-

лись наперерез, подошли вплотную к обрыву и затаились. Лиса появилась метрах в двадцати и, почуяв недоброе, выпрыгнула на противоположный берег. Остановилась, оглянулась и тут щелкнул выстрел мелкокалиберки. Зверь, а это оказался старый оранжево-желтый лисовин без клыков, распластался на снегу.

Потом часть получила приказ оборонять в районе одноименной с озером реки небольшой остров-бутор с вековым сосновым бором, расположенный среди громадного болота. Напротив стоял немецкий укрепленный район. А расположение батальона, хотя и находилось под носом у немцев, было недоступно и явилось опорной базой полковой, дивизионной и армейской разведок.

Сама часть оказалась почти оторванной от тылов на два месяца. Боеприпасов было достаточно, но продукты закончились. Солдаты собирали прошлогоднюю клюкву и с риском для жизни ползали под огнем к вытаявшим трупам лошадей за мясом. А над ними летели на Север журавли, гуси, утки. На рассвете недалеко токовали тетерева; в утреннем весеннем небе совершали брачные полеты бекасы-барашки; сразу после заката начиналась тяга вальдшнепов.

Лесные кулики вылетали на болото, над редкими кустиками подлетали к небольшому, поросшему ивняком островку, где сидел форпост. Облетев его, возвращались к лесу и тянули над вершинами сосен, просеками и вырубками под землянки бойцов. Не раз, будучи в расположении форпоста, отец видел и слышал вальдшнепов совсем близко.

Выполнив задачу, батальон встал на переформирование недалеко от озера Торопец. Здесь состоялись утиные охоты, которые могли стать последними для их участников. На углу дощанике они посхали вечером вдоль озерного залива. Едва успели собрать выбитых из налетевшей стайки четырех чирков, как сориентировавшись по ярким вспышкам-снопам от дымного пороха, их нащупал прожектором вражеский самолет и дал очередь. Несколько пуль попало в нос лодки и хорошо, что выше ватер-линии. Самолет пошел на второй заход, но, к счастью, был отогнан огнем зениток.

Пополнение задерживалось, и охотники трижды ходили на озеро и столько же раз встречались с кряковым селезнем, который свечой поднимался из камышей и словно заколдованный улетал после дуплетов. Только на третий раз командир красиво снял его в конце вертикального взлета. Но удачный выстрел опять был омрачен смер-

тельной опасностью. Только вышли на большак, как немецкий самолет начал методичный обстрел дороги. Почти два часа пришлось пролежать в сырой канаве...

Ровно через полвека по заказу журнала «Охотник» я подготовил эти и другие миниатюры для рубрики «Охота на войне» к 50-летию Победы, так и назвав их «Фронтовые рассказы отца».

А тогда так же неожиданно прилетел самолет, как оказалось американский «Бостон». Гагару торжественно съели под псевдонимом «гусь» и все рассеялось, словно мираж. Реальностью были незапакованное ружье и незапечатанный охотчемодан. И той же осенью началась моя самостоятельная охота.

На Полуй мы слевой выезжали почти ежедневно, насколько позволяли припасы. Стреляли с подъезда молодых и линяющих нырков. Я сидел «на гребях», друг — на корме. Заметив стайку, мы сначала медленно, как бы в стороне, подъезжали, затем набирали скорость. Утки ныряли, и мы уже на полном ходу чуть проезжали место их погружения. Я резко разворачивал лодку на 180 градусов и придерживал веслами. Лева быстро поворачивался ко мне спиной, брал ружье на изготовку и стрелял в того, кто ближе вынырнет.

Из-за нехватки патронов, обычно добывалось две-три птицы. И часто, сменяя друг друга на веслах, мы еще долго гонялись за какой-нибудь нелетающей уткой, пока она обессиленная не выплывала на мелководье, где ее добывали веслом или ловили руками. У безружейных мальчишек этот промысел был распространен и назывался «гонять утят». Что же, шла война...

Хуже всего было с дробью. Изредка старый связист Максим Павлович Верзаков давал нам обрезки свинцовой изоляции от телефонного кабеля. Подбирали около радиостанции аккумуляторные решетки и клеммы, выковыривали баббит из старых шатунов возле судоремонтной базы. Весь этот лом плавился и превращался в примитивную сечку. Бедные утки! Что в них вонзалось? Но ведь другие стреляли и дробленным чугуном и рубленными гвоздями. Как только выдерживали стволы?

Когда удалось случайно найти на чердаке слиток свинца в пару килограммов (зарядов на 60), я придумал более прогрессивную технологию. Вырезал из мягкой сухарины (специально высушенной коры для сетных поплавков) несколько плоских формочек и разливал по ним расплавленный металл. Полученные пластинки высотой в пол-

сантиметра рубил на топоре. Узкие полоски ковал молотком на обухе, превращая в круглую проволоку, которую кусачками резал на сравнительно равные цилиндрики. Это уже была почти дробь. Времени обкатать ее на сковородках порой не хватало.

Наконец, друг уступил мне место стрелка и завез в какую-то спокойную стайку, где я тремя выстрелами подряд убил взрослую чернеть и пару молодых, уже на взлете. Поступление таких богатых трофеев, а дома ждали маму из длительной командировки и не знали чем накормить, послужило, наконец, основанием для выдачи мне ружья и патронов. При условии — охотиться в сопровождении взрослых.

На первый выход со мной отправился дед. Находиться в верткой калданке да еще напротив мальчишки с ружьем он не захотел, а одного отпустить на речку побоялся. Охота стала сухопутной. Дед в ботинках и при галстук сидел на луговом берегу Поляпты, а я бродил рядом, добыв довольно редкого кулика-мородунку с клювом, загнутым вверх.

Назначенная в следующий «наряд» младшая сестра мамы вообще отказалась садиться в лодку. Мы прошли с ней недалеко в тундру, где и утки-то не водились. Я предложил юной тетке выстрелить по консервной банке. Силой отдачи ей основательно отбило плечо и всякое желание ходить на охоту.

Чтобы не нарушать конвенцию, бабушка в дальнейшем выдавала мне ружье через окно, и я спокойно отправлялся на берег с отцовским патронташем на одном плече (для пояса был велик) и со своей (!) двустволкой на другом. Правда, с первой абсолютно самостоятельной добычей не повезло. Я обстрелял вынырнувшего у лодки крупного на вид утенка, но его уже большие крылья не были полностью оперены, виднелись синие пеньки. Как на грех, когда я гордо нес трофей за шею по городу, встретился хороший знакомый отца и азартный охотник Михаил Азанов, редактор окружной газеты, забронированный от фронта.

- Молодец, задавил-таки! А ружье-то зачем?

Какое же фиаско потерпел мой антураж с амуницией? Но и урок добрый. Я стал внимательнее выбирать цель да и сами утята мне помогали, с каждым днем подрастая. Почти до октября продолжалась моя первая и последняя охота с подъезда по нелетающим уткам. Со следующего года предстояла отцовская школа настоящей спортивной охоты.

3. Отцовская школа.

В апреле 1945 года после второй тяжелой контузии вернулся с фронта отец. Мой восторженный рапорт о количестве трофеев он встретил одобрительно, но с легкой иронией, т. к. явно не думал, что сын откроет первое поле стрельбой нелетающих уток. Зато сообщение о собственном способе изготовления дробы вызвало неожиданно настороженный интерес.

Молодец, кормилец! Но неужели на полтора десятка хлопунцов выпулял всю дробь, если свинец рубить начал? Это же патронташ на утенка!

Я сделал удивленное лицо, а дед спрятал в усах хитрую улыбку. Отец понял, взял стул, поставил на него что-то еще, запустил руку в углубление круглой «голландской» печки у самого потолка и вытащил... покрытый толстым слоем пыли, обляпанный известкой десятикилограммовый мешок дробы.

Началась экстренная подготовка к весенней охоте. По конвейерному способу снарядили около 300 патронов. Много возни было с пролежавшими три года без употребления маншиками. Пришлось научиться делать из мела и олифы густую замазку для шпаклевки трещин, подклеивать обломанные головы. Черной и белой краской полностью раскрасил нырков, а шилохвостям и свиязам только подновил носы и глаза, т. к. остальная расцветка была очень сложной.

Весна задерживалась. На день Победы, 9 мая, выпал густой, мягкий, чуть влажный снег. Многие охотники вышли на митинг с ружьями и в разнобой палили вверх. На другой день началось потепление, и я самостоятельно подготовил к охоте калданку. Отдавая дань моде и в ущерб маскировке, лопасти и части весел покрыл ярким суриком. Уж очень красиво смотрелись они издали, как своеобразные проблесковые маячки при плавном движении лодки в штиль.

Первый выход оказался пешим. Старик Сергеев предложил отцу на пару дней свой гусиный станок, и он в ближайший выходной буквально убежал после работы в Кысканы. На утро по песчаному берегу Поляпты устремился туда и я. Вода еще не разлилась, и несколько охотников построили скрадки прямо у речки, начиная от сельхозстанции.

Трофеев почти ни у кого не было, т. к. гусь, в основном, прошел, а массовый пролет уток еще не начинался. Изредка проходили

лебединые стаи. В одиночку пролетали ястребы и соколы. В восходящих потоках воздуха парили пестрокрылые канюки - мышеловы и чайки—день обещал быть теплым, ясным и тихим.

На мысу между протокой и Кысканским заливом я заметил одноклассника Гену Михайлова со своим отцом, бухгалтером потребсоюза—весьма интеллигентным охотником. Они рассматривали какую - то белую птицу размером с крупного гуся. Так мне довелось в первый и последний раз близко увидеть и подержать в руках краснокнижного малого или тундряного лебедя (местное название—обской). Он показался почти вдвое меньше хорошо знакомого кликуна. Михайлов - старший наглядно объяснил, что отличие этих птиц не только в величине, но и в окраске клюва. У малого желтое пятно на клюве меньше и граница между черным и желтым прямая. Голос малого звонче, с металлом, шея (пропорционально) короче.

Обогащенный новыми знаниями, я круто свернул налево и пошел вверх по крайнему ручью. Вскоре поравнялся с центральным сергеевским мысом, поросшим невысокой блеклой желтовато - коричневой травой. Станок почти не заметен—небольшое, пологое, такое же травянистое возвышение, увенчанное разноцветным чучелом краснозобой казарки. Вокруг еще штук двадцать искусно сделанных гусей, в основном, гуменников и белолобых.

Так как ручей смог перебрести почти в вершине, к станку подошел с тыла. С другой стороны длинный мыс обмывал еще один более узкий ручей, подпруженный земляной плотиной. В разливице плавали десятка полтора таких же перовых утиных маншиков и два лебедя - кликуна, возвышавшиеся своими прямыми шеями как монументы.

По конфигурации место напоминало штаны, хотя название пошло от ловушки - перевеса «каскан». А штаны по - хантыйски «кась». И сейчас я думаю, может быть в этом корень названия. Припоминаю некоторые известные мне места, где ставились перевесы,— и около Оби, и в низовьях Иртыша. Там всегда вдоль мысов расходились ручьи или ручей и горловина сора, ручей и прогал к протоке. Около них - то и рубились просеки для установки сетей. Многие уже заросли, но я находил их по старым длинным жердям. Не раздумывая, ставил на линии полета скрадки и утки как намагниченные снижались и шли словно в трубу.

На месте знакомого полузатопленного сруба вижу до тонкостей продуманное сооружение, настоящий дзот. Это слово постоянно было

на слуху у мальчишек военных лет—дерево - земляная огневая точка. Но вместо наката из бревен сверху поставлен уже известный читателям выгнутый четырехугольный каркас. На нем проолифенный брезент и ровно уложенный тонкий дерн, обтянутый старой сетью. Дверь - люк на задней стенке крыши покрыта покрашенным под общий цвет брезентом. На трех других сторонах было видно по нескольку бойниц, заткнутых пробками из сена.

Внутри мне открылась уютная, хотя и низенькая для передвижения только на коленях, мини - избушка. Сухие стены из нетолстых двухметровых бревен, ровный пол из колотых плах, застеленный малицами. Слева от входа — посуда и припасы. Справа под деревянной крышкой — небольшое, на размер ведра, отверстие в дренажную яму для откачки прибывающей воды. Рядом примус с чайником и кастрюлей. Такой «комплекс удобств» позволял гусятникам жить в станках неделями, не страшась никаких отзимков.

После войны, кроме сергеевского в Кысканах оставался только станок Ивана Петровича Морозова. Сохранился и еще один вид гусяного скрадка—вкопанная на одном из ключевых мысов большая деревянная бочка. В следующие годы из - за послевоенного наплыва народа на гусей их уже не использовали, потому что пальба велась «из - под каждого куста».

Непосредственное знакомство с теперь уже реликтовыми засидками стало главным событием той охоты. В связи с резкой прибилью воды отец не оставил меня на вечернюю зорьку. И, как оказалось, ненапрасно. В вершине питающие заливы ручьи бурлили и, выбираясь на идущую горой старинную «кысканную» дорогу, я уже рисковал начерпать полные бродни. Рано утром появился отец, так и ни разу не выстрелив. Только с поднятием льда он уехал по заберегам сразу на несколько дней и отвел стосковавшуюся по охоте душу.

В начале июня вечером мы вместе поехали на зорьку к слиянию Щеголя и Кривого Мохтылево. Место было пролетное на старице между протоками. Выгрузив основной скарб, стали расставлять маншики. Я сидел на веслах, поворачивая и останавливая лодку по указаниям отца. Сначала в метрах сорока выставили крупного черного селезня синьги с красной шишкой на клюве, так называемого «заводного», видного издали. Чуть ближе, но как бы с боков опустили две пары морских чернетей и пару красноголовых. Затем, двигаясь к берегу, с одной стороны поставили три пары хохлатых чернетей, с

другой—две пары гоголей и похожего на них пестротой лутка.

Вся стая образовала треугольник с чуть смещенным основанием, которым служило десятка полтора серых уток, поставленных в залив с торчащими из воды травинками. Манщики были хорошо заметны со всех сторон, а пространство в середине было удобно для посадки подлетающих уток. Казалось бы ничего сложного, но ведь до сих пор многие не придают этому никакого значения и «выкидывают» манщики в беспорядочную кучу или одну линию вдоль берега. Даже термин укоренился — «выбрасывать» чучела.

Устройство скрадка оказалось тоже непростым делом. Мы нарубили несколько охапок полутораметровых таловых веток толщиной в палец и несколько штук потолще, две из которых отец поставил, обозначив вход, две — впереди, чтобы опереть потом на них ружья. Остальные почти впритык расставили по круглому периметру. Затем все развилки и промежутки между ветками были плотно заполнены и местами переплетены жгутами сена, собранного на старых остожьях. Ветки по верху аккуратно надломили, все торчащие прутики срезали, чтобы не мешали прицеливанию.

Во время строительства засидки мы издали заметили летящую на нас черную «нитку» синьги. После выстрела один селезень с перебитым в середине крылом упал почти рядом со мной и был быстро схвачен.

- Вот и живой манщик, — сказал отец и привязал к лапке утки тонкую бечевку, а вместо груза пустую бутылку. Пущеный на воду, селезень сначала рвался, но потом успокоился и только после выстрелов обязательно нырял.

В связи с этим я услышал типичный охотничий анекдот. Моего деда, крепко заснувшего днем прямо в скрадке, кое-как растолкали зятя.

- Кириллыч, у тебя же куча уток сидит, бей быстрее!

Дед протер глаза, увидел среди манщиков четыре синьги, подождал, пока сплывутся, и взял всех на один выстрел.

- Вот как надо! — важно воскликнул он и поехал за добычей. Поднял одного, а на шпагате потянулись остальные и в завершение из воды показался любимый дедов топор.

Нетрудно догадаться, какова была реакция...

Наконец, мы устроились. Отец в те годы любил стрелять, стоя на сенной подстилке на коленях, чему способствовали и мягкие кожаные

бродни. Я сидел рядом на опрокинутом ведре и слушал правила поведения в скрадке. При подлете уток не шевелись и не высовывай голову. Когда сядут, определи сквозь ветки скрадка место. Выставь сначала стволы и постепенно поднимайся, одновременно прицеливаясь. Стреляй селезня, который плавает подальше от самки. И несмотря на мою стрелковую практику, уточнил: сидящей утке целясь в голову, плывущей — в кончик клюва. Ну и, конечно, преподавал правила обращения с ружьем: курки взводить только перед выстрелом, следить, чтобы ружье прочно стояло и чтобы в спусковую скобу не попадала какая-нибудь ветка.

Пролет еще не начался и я встал посмотреть красивый в вечернем солнце разлив. У берега плескались водяные полевки, темно-бурые толстушки со светлыми круглыми пятнышками на загривках. Этих зверьков величиной чуть меньше крысы тысячами заготавливали на шкурки под названием «летняя пушнина». А в природе они были отличным кормом для хищных зверей и птиц.

Вот и сейчас одна «водяная крыса», как их звали местные жители, выбралась в травяные кочки и зашуршала. Тут же я услышал другой, легкий шорох. Совсем рядом со скрадком, как маленькая коричневая змейка, ползет горностай. В его изящной фигуре, хищном блеске глаз — и грация, и решительность, и отчаянность, и смелость. Хитрый охотник пересекает полевке путь к воде и затаивается.

Я хочу получше рассмотреть, что же делает полевка, и задеваю ведро. Она бросается к спасительной воде, но горностай в два прыжка настигает ее и впивается в шею. Борьба была недолгой, через секунды он уже тащил добычу к норе, расположенной под гнилой тальниковой корягой.

- И жертва исчезла в чертогах злодея, — качаловским голосом прокомментировал отец финал обычной природной трагедии.

Раздался сильный шлепок по воде. Вижу большого зеленоголового, сероспинного, белобокого селезня морской чернети, плывущего к своим деревянным собратьям. Имея опыт стрельбы с верткой лодки, добыть эту утку с твердой земли и упора на скрадок мне не составило никакого труда. Я съездил за ней, лихо развернув калданку и сходу подхватив добычу.

Продемонстрировал и еще один полученный без отца навык. Он сбил дуплетом пару хохлатых чернетей. Один селезень сразу нырнул.

- Этот уйдет, — говорил отец, перезаряжая ружье. Но недаром же

я гонялся за ныряющими утками целую осень. Едва успел подранок показать свою сине-фиолетовую голову с косичкой, как прозвучал выстрел.

- Хорошо, — похвалил отец. — Как только утки сядут, встань и попробуй стрелять влет. Если будут взлетать от тебя, бери чуть выше, если боком — целься вперед на четверть (сантиметров 25), но ружье не останавливай. Если не успеешь выцелить, лучше не стреляй. К сожалению, подсадов больше не было. Отец добыл еще несколько штук, объясняя мне каждый раз особенности прицеливания, в зависимости от высоты, угла и скорости полета. После полуночи, не дождавшись обычного в это время лета чирков, мы поехали домой.

Солнце, словно сказочный колобок, сидело на снежных вершинах Полярного Урала. Белые облака на юго-востоке, как огромные зеркала, бросали вниз его лучи. Узкие гривы со светящейся желтой травой, затопленные местами кусты ивняка четко отражались в нежно-розовой воде и, окаймленные узкой золотистой полоской, как бы висели в воздухе.

А вот и живая стереоскопическая скульптура. На маленькой круглой кочке-островке дремал рыжий турухтан с сине-зеленым воротником. Таким же ярким и выпуклым казалось его отражение в воде. Все вместе это составляло красочную игральную карту, где кулик мог быть одновременно и королем за петушиную важность и валетом — за стройность и красоту.

Всего два выезда, а сколько впечатлений: живая история охоты, незабываемые картинки природы, наглядные уроки отца.

Летом мой постоянный спутник на охоте и рыбалке Лева Торлопов пошел работать учеником электромонтера и у нас оставались для совместных выездов только редкие выходные дни. К слову, будущий знатный житель города Лев Климентьевич Торлопов проработал на электростанции до последних дней своей жизни, заслужив высшую награду страны орден Ленина.

А у меня появился новый друг — сосед и ровесник Владлен Игловилов, также добившийся в будущем успехов как ученый-аграрник с мировым именем. И, к сожалению, ныне покойный. Мы закончили пятый класс, подросли, меньше стали интересоваться ершами, начали ставить сети в сорах на более приличную рыбу — сырка (пелядь) и щокура (чира). Научил нас этому делу Лева — сын знаменитого рыбака.

Разгорелась новая страсть к путешествиям и обследованиям окрестностей города. Мы часто ходили по старой аксарковской дороге на большое болото за морошкой, а по новой насыпной — к загородной радиостанции собирать голубику и посмотреть на гигантский ветряной двигатель с многолопастным колесом и длинным двухперым стабилизатором.

В соровом ручье нашли занесенную половодьем полузатопленную и забитую илом лодку, редкую у нас широкую плоскодонку с тупым носом из толстой плахи и прямой кормой. Проведя на месте первичный ремонт, перегнали судно на самое большое «поганое» озеро (их было три около городской бани) и окончательно привели в порядок.

Братья Манн, дети директора Дома ненца, предложили сделать из дощаника парусник. И, о, судьба, один из них стал известным яхтенным капитаном! Оснастка была произведена ненужным реквизитом поставленной перед войной драмы И. Ф. Ного «Ваули». Большая афиша из полотна стала парусом, бутафорские хорей и тыньзян — мачтой и такелажем, лук — бортовым оружием.

На расположенном под высокой горой озере ветер почти не шевелил зеленовато-голубой парус с написанным огромными буквами гордым именем Ваули — Робин Гуда тундры. Экипаж решил выйти по узкой канавке в Полуй, затем в Обь на Ангальский Мыс, откуда открывался прекрасный вид на необозримые водные просторы, синие предуральские холмы и горбатые горы, полосатые от сугробов нестывшего снега. Да и сам мыс, поросший по склону густыми зарослями смородины, а на вершине, открытой всем ветрам, — типичными лесотундровыми лиственницами и елями, искривленными в нескольких плоскостях сразу, представлял живописный уголок. С давних пор он был местом поклонения хантыйским богам. Его первоначальное название произошло от хантыйского слова «Лонгх» (идол, которому поклонялись) — Лонгхальский мыс, затем трансформировалось: Лангальский — Ангальский.

Полюбовавшись пейзажем, покормив комаров и отведав неспелых ягод, мы тронулись в обратный путь. Тянувший с утра ветерок стих. И если на пути к цели пользовались речным течением, то обратный стоил всей команде кровавых мозолей на руках. Зато хорошая подготовка к осенней охоте.

Следующая запомнившаяся поездка была уже тренировкой на выживание. Втроем на одной калданке мы двинулись к знаменитым

Пашарским юртам в шести километрах вверх по Полую, к запору, от которого и произошло хантыйское название города. Полуй — «Пулн-Юган» — запорная река. «Пулн-авыт-вош» — город в устье запорной реки. От большого ранее рода пашарских хантов «Паштар-ях» мы застали всего две семьи Кормяковых и Хетта, с которыми были дружны потом много лет и ездили к ним на рыбалку и охоту.

Я не буду подробно описывать устройство встроженных в запор ловушек-важанов, у которых на специальных помостах дежурили рыбаки с бечевками, сигнализирующими о попадании чира (щокура), идущего из Полуйского сора. Пока его массового хода не было и выше запора шел неводный лов разной пристоявшейся рыбы. Кроме нее, у запора собирались сотни молодых и линяющих нырков. При каждом притонении попадалось штук полсотни уток. Тут я впервые увидел как ловко умершвляют ханты уток, прикусывая им головы. Таким образом раньше один человек убивал сотню-другую уток, попавших за ночь в перевес.

Обратно вздумалось нам ехать по Карыч-Моготу через его верхнее устье. Быстро добравшись по течению до поворота, мы увидели на горном берегу сидящего у костерка человека и пристали. Нас встретил уже знакомый читателям старик Сергеев, рыбачивший здесь, и предложил сходить за грибами.

- Красноголовиков море, наберете полные рубахи.

Мы взяли все имеющиеся емкости — котелок, чайник, корзинку и только поднялись по утору, как оказались на грибной поляне. Приземистые с ярко-красными головками и толстыми белыми ножками подосиновики росли прямо на старой оленьей дороге и на других открытых местах, а в тени невысоких елок и кустарниковых берез — их тонконогие и бледноголовые собратья. Мы так увлеклись, что вернулись к стану уже в сумерках. И хотя дед Сергеев накормил нас ухой, поделился в буквальном смысле последней коркой хлеба, ночь без теплой одежды в легком шалаше оказалась почти бессонной, с беспрестанными выходами к костру. Хорошо полязгав зубами и подорожав от холода, мы уже больше никуда не ездили без ватников и старой малицы.

К осенней охоте готовились очень основательно. Кроме ремонта лодки, чистки ружей и помощи в зарядке патронов, у меня появилась новая обязанность — смолить бродни, т. к. резиновые сапоги были редкостью. Я подогревал на костре банку с дегтем, добавлял туда

немного смолы и рыбьего жира и утиным крылом наносил на кожу в несколько слоев. Смазки этой надолго не хватало, только-только на одну охоту. Выделенные мне «болотники» были велики на несколько размеров. Приходилось закладывать громадную стельку из сена, перетягивать ремешками на щиколотке и под коленями, а раструб еще привязывать к поясу. Маневрировать в такой обуви среди кочек и густой травы весьма неудобно, зато можно переходить ручьи, забредать выше колена и как-то защищаться от густой утренней росы.

Постоянное обращение с кожаными сапогами, ружейными чехлами и ремнями, ножнами, патронташами и сумками заставило постепенно овладеть шилом и дратвой. Все это потом пригодилось в жизни как и раннее умение точить ножи и топоры, разводить пилы, правильно (треугольником) отесывать и забивать колья, колоть и пилить дрова, делать многое другое, что в основе своей было связано с охотой и рыбалкой.

Чувствуя, что таскать по кочкам «взрослый» «Зауэр» 16 калибра мне не под силу, отец временно попросил у своего старого друга Пантелеймона Хрисанфовича Прибыльского «дамскую» курковую двустволку 20 калибра, весом 2,6 килограмма, довольно старую с полустершимися золочеными готическими буквами на прицельной планке и прямой английской (винтовочной) ложей из ореха. Мы хорошо ее пристреляли по таблицам С. А. Бутурлина. Помню даже заряд: 28 граммов дроби N 4 и 4,5 грамма дымного пороха. Убойный круг с очень ровной осыпью — около метра в диаметре.

15 августа на двух калданках отец, Георгий Кошкарлов и я отправились открывать сезон. На веслах добирались до места шесть часов. Ехали обскими протоками против течения. Утки были повсюду: сидели по берегам, летали над водой и кустами.

Стан устроили на высоком берегу Харпосла у огромного стога-зарода, наметанного на шалаш. Сварили уху из взятых по пути у рыбаков налимов. Мужчины выпили разведенного спирта и долго не спали, вспоминая прежние совместные охоты, породистых собак, по разным причинам пропавших во время войны.

- Помнишь, как почти на этом самом месте мы сидели ночью у костра? Закричали гуси. Володька Булыгин убежал за стог, выстрелил, а его сеттер вскоре пришел из темноты с гуменником в зубах.

- А ты один съел в тот раз котелок налимель ухи...

Для меня — это первая ночь на пойме. Я внимательно всматри-

вался, вслушивался, ощущал прелые запахи свежего сена, увядающих трав, луговой сырости. Вечер был теплый и ясный, темнело медленно. Небо постепенно осыпалось крупными звездами и разделилось пополам светлой полосой Млечного Пути. Костер освещал ближайшие кусты, играл тенями. Вокруг безмолвие и покой. Лишь изредка плескалась щука, вылетала на свет любопытная сова или раздавалось настороженное гагаканье гусиной стаи.

С первыми проблесками зари двинулись к ближайшему озеру. Луг был сильно заболочен, берега озера подтоплены. Мои бродни-«скороходы» застревали между кочек, путались в густой траве. Я даже ни разу не выстрелил, только набил ноги, пока догнал охотников. Они с двух сторон стояли на затопленных берегах. По всем направлениям над ними в панике носились поднятые утки. Некоторые попадали под выстрелы и валялись в траву. Стрелки тут же мчались к месту падения, чтобы их разыскать, но не всегда это удавалось. Подобрал чуть больше десятка, взрослые решили переехать к вечеру на другое место, к озерам у Плехановской избушки, которые на два десятилетия стали нашей охотничьей вотчиной.

Избушка стояла недалеко от поворота Большого Мохтылево к Харпослу — маленький, невысокий сруб из тонких бревен с плоской крышей, покрытой дерном. Вокруг железной трубы ведро без дна, набитое землей. Внутри, направо от дверей, — железная печурка, прямо, во всю стену, — нары с душистым сеном. Слева у оконца приколочен столик — вот и все убранство, не считая керосиновой лампы-коптилки без стекла да сидений-чурок.

Избушка давно сгорела, а озера так и называются Патрикеевскими. И я очень доволен, что уже много лет там зона покоя и никто не тревожит дичь. Как будто сама история остановила свой неумолимый ход, сохранив маленький кусочек природы почти в первозданном виде. Как почти полвека назад, когда здесь был край непуганых птиц.

Вот там-то я и познал всю прелесть осенней охоты. В избушке жил старик-сенокосчик, который угостил нас ухой из небольших, но икряных и необыкновенно вкусных карасей. Хорошо выспавшись, по твердой сухой гриве пошли обследовать ближайшие озера. Георгий — налево, мы — направо. Легко прошли по кошенине до виляющей в кустах обмелевшей протоки Карым-Посл, разделенной на заросшие травой озерца и илистые ручейки. Разошлись по ней в разные стороны.

По высокому, почти с меня, цветущему пырею я незаметно подошел к мелкому озеру. Прямо из-под ног выплыло несколько шилохвостей. Они и не думали взлетать. Выстрелил в одну, потом в другую. Перезарядив ружье, обстрелял третью. И только после того, как она забилась на воде, утки улетели. Я повесил трофеи через плечо и двинулся дальше. Так настрелял с подхода еще девять уток, причем двух взял за один выстрел.

Среди добычи были свиязи, чирки, широконоска-соксун — весь набор благородных уток, взрослых, тяжелых, не то что чернети-задохлики на реке. Но ходовая охота оказалась намного труднее прочих. В тот раз я даже не смог дойти до избушки, где-то на полдороге во время привала заснул. Отец унес часть добычи и вернулся за мной. Хорошо пострелял и Георгий. Но, чтобы не испортить добычу, сразу же поехали домой.

В сентябре я пошел в шестой класс, а отец взял отпуск и две недели провел в той избушке. На утренних и вечерних зорьках сидел с манщиками в скрадке, днем бродил по озерам и протокам. Я раза три приезжал к нему по субботам на попутном катере с сенокосчиками. Воскресенье охотился, а рано утром в понедельник уезжал на своей лодке, чтобы успеть к занятиям во вторую смену. Греб по течению около четырех часов.

За осень отец научил меня правильно определять расстояние, чтобы не стрелять уток дальше 30-35 метров, бесшумно и незаметно подкрадываться, порой ползком. Знал я теоретически и азы стрельбы влет, но пока не рисковал, привык беречь патроны. Тем более у «двадцатки» было всего 19 гильз — их неоднократно приходилось снаряжать на охоте.

Ближе к зиме сходил несколько раз с отцом на куропаток по чернотропу. Добыл несколько начавших белеть птиц — хорошо заметных и близко подпускавших на выстрел.

Следующей весной поохотиться с отцом не удалось. Он уезжал с другом куда-то далеко и надолго, а вернувшись, сразу отправился в командировку. Первый выезд был у нас слевой Торлоповым в Кысканы. Ночь мы промерзли около окончательно заброшенного сергеевского станка. Хорошо летали только чирки, и друг сбил штук шесть, а я даже не пытался стрелять по этим стремительным уткам. Зато, когда к чучелам подседа синьга, — тут уж была моя очередь и мой трофей.

Другой выезд, в июне, был для меня полностью самостоятельным, и я даже выступал вроде бы организатором охоты, пригласив Владлена Игловикова, для которого весенняя поездка была первой. В затопленных кустах построили скрадок-загородку для калданки, поставили по всем правилам маншики и, просидев почти целый день, добыли два белокрылых (обыкновенных) турпана, два гоголя и две хохлатых чернети. Окрыленные успехом, через несколько дней еще раз посетили вечером то место, но добычей стал только один беспечно подсевший к маншикам чирок.

А осенью произошло событие знаменательное — первый выстрел влет. В августе, когда отец был в командировке, неожиданно приехал из северного поселка знакомый механик, у которого всю войну находилось в ремонте наше «Гско». Он сам захотел его опробовать и позвал поохотиться на реке. К двадцатке не было снаряженных патронов и я взял «Зауэр-Аист» — не ехать же без собственного ружья.

Издали заметив на высоте около 20 метров шилохвость, вспомнил отцовский урок, что летящую над тобой (на штык) птицу надо поймать на мушку и сделать рывок, закрыв ее стволами. Выстрел. И утка комом шлепается в воду. Еще не разошлись круги, а хитрый острохвост уже распластался на воде и быстро поплыл к берегу. И хотя подранок был совсем недалеко, я в восторге и волнении от королевского выстрела высадил по нему еще пять патронов.

И вот мы снова обосновались на несколько дней у Плехановской избушки. Еще затемно отец с другом ушел на окрестные озера, а мне посоветовал с утра обойти узкое, длинное, глубокое озеро рядом с избушкой. Четвертый участник поездки был без ружья и занялся рыбалкой.

Выйдя на охоту, я увидел кормящуюся шилохвость. Отплыв немного, она медленно полетела над самой водой. Я прицелился прямо в нее и сбил в угон. У озерного тупика заметил сквозь прибрежную осоку широконоску, подполз к ней метров на пять — стрелять нельзя, близко. Утка взлетела. Отпустив ее метров на 15, нажал на спуск — смотрю, упала. На другой стороне озера поочередно взял двух, уже неожиданно вылетающих из травы чирков. Причем, вместе с последним случайно зацепил чернеть из поднявшейся напротив большой стаи.

Обойти озеро не удалось, т. к. второй тупик был сильно затоплен. Немного пройдя по тропе, поднял хохлатую чернеть, которая, сверкая

на солнце белым брюшком, полетела мимо меня. Чуть повел ее на мушке, сделал небольшой рывок и, не останавливая ружья, выстрелил. Подогнув шею, утка почти вертикально упала в заросшую густой травой воду. Искать ее было бесполезно. Ветер дул к противоположному берегу, и я вернулся, чтобы подобрать убитых птиц.

Навстречу мне, к первому тупику подошел наш рыбак, чтобы помочь собрать уток. Только он вошел в озеро, как вспугнул свиязь, полетевшую в мою сторону. Довольно дальний выстрел оказался удачным. Рыбак забредает дальше и поднимает еще двух свиязей, ставших также моей добычей. Он их тут же подобрал. Утренний соксун, застряв в траве, лежал на глубоком месте. День стоял тихий, солнце пригревало. Я разделся и героически сплавал за уткой. А шилохвость поднесло к берегу около избушки.

В это время подошли наши охотники.

- Кого громишь? — спросил отец, — утята здесь не водятся, уже выросли.

- Да, вот, — говорю, — девять уток сбил влет. Пять подобрали, а четыре там, там и там лежат.

Мужчины тут же пошли со мной, достали чирков и чернеть, которую пришлось дострелить. Только результат самого красивого выстрела оказался нулевым. Даже длинные резиновые сапоги — гордость отцовского друга — не помогли.

С началом учебного года мне не удалось больше побывать у избушки, но я почти каждый вечер стал ходить на обмелевшую речку Шайтанку, разделявшую пополам город. Стрелял прилетающих на кормежку уток. Вовлек в эти походы отца и дважды при нем сделал красивые штыковые выстрелы на закате. То были первые шаги к следующим этапам: вечерней и утренней охоте из скрадка на кормовых озерах и к высшей по мастерству — стрельбе в сумерках на перелетах.

Сезон закрыли поздней осенью в принципе знакомой мне охотой с подъезда на реке. Но не по тихой воде на плавающих птиц, а в сильный (чем крепче, тем лучше) ветер и только влет. Перед самым ледоставом вплоть до образования «сала» и «шуги» на Полуде, Оби и ее широких протоках собиралось много северных уток: маленькие морянки-аллыки, крупные морские чернети и синьги и самые большие — турпаны.

Все они взлетают только против ветра и летят, почти не сворачивая. Поэтому я подгребаю к ним по ветру, но не в лоб, а чуть сбоку.

Волны пенятся и перекатываются белыми барашками. Калданку трудно держать ровно и уходить от крутых валов, постоянно готовых плеснуть через борт. Несмотря на изящность и обтекаемость весел, они сильно парусят и вырываются из рук, изредка слетая с уключин.

Но вот утки поднялись и приближаются. Я стараюсь следить за ними, по-совиному кручу головой. При подлете поворачиваю лодку, чтобы увеличить сектор обстрела и внимательно смотрю, когда отец берется за ружье, когда начинает целиться, на каком расстоянии и в каком положении стреляет. Стрельба в боковом, а особенно штыковом полете с болтающейся лодченки, — дело высокопрофессиональное и он с ним справляется хорошо: почти не мажет, иногда успевает сделать результативный дуплет. Затем я маневрирую, торможу, подводя лодку к убитой утке, чтобы ее с ходу можно было вытащить из воды. Сырость, холод, пронизывающий ветер не чувствуются — идет захватывающая дух Большая Охота.

...Затем снова походы за куропатками по чернотропу и первому снегу. Но операция по поводу аппендицита в конце октября почти на полтора месяца лишила меня возможности каких-либо активных действий. Только пятого декабря еще слегка прихрамывая, я тихо пришел на лыжах в густые пойменные кусты между Юркиной протокой и Щеголем. Пришел, как на долгожданное свидание, очарованный холодной красотой северной зимы.

В это время на Крайнем Севере воцаряется полярная ночь, а в окрестностях Салехарда рассветает совсем ненадолго. Если день ясный, то снежные сугробы, заиндевевшие деревья и матовое небо заискрятся ненадолго розовыми красками, и вновь уже ползут по земле длинные тени, голубизна сменяется синевой. Холодное малиновое солнце окрашивает горизонт в нежные красноватые, золотые, фисташковые цвета... и исчезает. На смену ему приходят звезды, луна и северное сияние — чаще зеленоватое, мягкое и переливающееся, а иногда с пурпурно-красными беснующимися сполохами.

Я жадно читаю белую книгу зимнего леса, вспоминая Сергея Есенина:

Подойду, взгляну поближе:

Хрупкий снег изломан весь.

Здесь вот когти, дальше — лыжи.

Кто-то странный бегал здесь.

В сугробе на склоне несколько отпечатков сдвоенных лапок

горностая. Гибкий и свирепый зверек вынырнул из-под снега и снова скрылся ловить мышей. На сору, всего в каком-то полукилометре, мышкуют сразу три красных лисицы. Я пытаюсь подойти к ним из-за густых тальников и метров с 80 стреляю пулей. Она пролетает чуть выше, лиса изгибается, делает изящный прыжок и убегает.

Вдали на светло-коричневых талинах сидят куропатки. А вот и место их ночевки, для одной птицы — последнее. Об этом безмолвно свидетельствуют примятый снег, несколько сломанных перьев и уходящие в разные стороны два песцовых следа. Кормящиеся почками птицы подпустили довольно близко, раздался выстрел, и я пошел за переместившейся стайкой. Вылетела она неожиданно из-за снежного заструга и еще одна куропатка оказалась на моем поясе. Пора домой.

Всю зиму, почти каждое воскресенье, то с отцом, то с друзьями, то один я охотился в лесотундре или на пойме. Запомнилась последняя вылазка, когда из мелкого ивняка передо мной неожиданно и шумно, вертикально поднялся куропадч — второпях я выдал по нему прицельный, но безрезультатный дуплет. Забыл отцовский совет — подождать, пока взлетевшая таким образом птица будет переходить в горизонтальный полет.

Итак, зима 1947 года, мне четырнадцать с половиной лет. Закончились курс «молодого бойца» и охотничье детство. В эти годы отец заложил основы моего будущего охотничьего мастерства, совершенствование которого — процесс длительный, переменчивый и нескончаемый.

4. Осенние тропы

Следующие две части записок я посвящаю своим верным друзьям и помощникам, охотничьим собакам — от лайки до спаниеля. Поэтому и речь пойдет об осенних охотах.

Итак, опуская весну 1947 года, вспоминаю лето, как важный этап подготовки к очередному охотсезону — как со стороны природно-познавательной, так физической и стрелковой. Почти все оно прошло в поездках на рыбалку и сенокос. Владлен переехал с родителями в другой поселок и моим единственным товарищем по охоте и рыбалке снова стал Лева. Особенно нравилось мне отправляться с ним по субботам с ночевой на рыбацкое угодье его отца.

Путь был неблизким — часа четыре усиленной гребли до большого одnogорлого сора между протоками Карым-Посл Пани-Посл. Рыба — пелядь и чир — так и кишела в нем. Пока ставишь двадцатиметровую сеть на кольях (поплавки и грузила не применяли), расправляешь тетиву, а с десяток рыбин уже запутались. Мы помогали 77-летнему, но еще крепкому Петровичу снимать, сушить, чистить, ремонтировать слабенькие хлопчатобумажные тогда сети. Заготавливали дрова, солили рыбу, отвозили в город улов.

Но было у нас суточно тайное и весьма опасное, но уж очень приятное занятие — стрельба из трофейного мелкокалиберного пистолета австро-венгерской фирмы «Манлихер». Он был нелегально привезен кем-то из фронтовиков, друзей Левиного брата и почти один к одному напоминал всем известную конструкцию Марголина. Уезжая, мы спокойно брали его из тайника в сарас, возвращая через день на место вычищенным и смазанным.

Источник боеприпасов был полулегальный, но бесплатный и почти неисчерпаемый. В начале лета из-за удара молнии в проржавевший громоотвод взлетел на воздух пороховой склад, где хранились также большие запасы пистонов и патроны для мелкокалиберных винтовок и охотничьих карабинов. Склад находился на берегу Поляпты примерно в створе современной улицы Броднева, но взрыв был такой сильный, что даже в центре города дребезжали оконные стекла и самопроизвольно открывались форточки.

Патроны разлетелись далеко по тундре. Крупнокалиберные еще как-то подобрали вблизи, а «мелкашечные» желающие собирали года три, словно ягоды или грибы, среди кочек, поросших багульником и

голубичником. Конечно, со временем заряды ослабли, но мы сразу сделали хороший запас.

Округа была на многие километры безлюдной и наши выстрелы звучали многими десятками. Сначала в мету, нарисованную углем на доске, в развешанные на кустах консервные банки, после — в настоящие мишени, взятые в городском Осоавиахиме, где председательствовал Валентин. И, наконец, правда, с небольшого расстояния, стали попадать в маленькие, с пятачок, сучки на старых талинах. Это вселило надежду, что из пистолета можно стрелять не только уток и куропаток, но и пуночек. Однако к осени тайник опустел — «Манлихер» оформили как спортивное оружие и заперли в надежный склад.

Позже я узнал, что во многих странах на охоте применяются специальные пистолеты и револьверы даже с оптическими прицелами, а также луки, арбалеты и пневматическое оружие. Только у нас это по-прежнему под запретом. Хорошо, что чуть легче стало приобретать нарезные ружья и карабины, но калибры их все-таки стараются ограничить. Вот и бьют оленей из «малопулেক», а лосей — явно слабыми для них пулями 7,62 мм, калеча животных. И хотя сам не любитель пулевой стрельбы, думаю, что в охотничьей прессе нужна серьезная дискуссия по поводу расширения арсенала и сферы применения охотниками нарезного и холодного оружия.

Но вернемся в то лето и познакомимся еще с одним важным моментом физической и психологической закалки будущих охотников и рыбаков — купанием и плаванием. Дети и подростки открывали сезон в конце июня на песчаных отмелях Поляпты, защищенных с северо-запада высоким крутым берегом. Здесь разжигали огромные костры из сушняка, где грелись, выскочив как ошпаренные из холодной воды. С потеплением перебирались на Полуй и целыми днями сидели на плотках, залезая в реку по мере отогревания на солнце.

Местные способы плавания были довольно разнообразны, как и примитивны.

Об овладевших всеми «стилями» с уважением говорили — умеет плавать «по-всякому». Следующий уровень подростковой иерархии — переплыть Поляпту туда и обратно во время разлива. А еще выше — преодолеть Полуй — реку быструю, широкую и глубокую, куда свободно входили морские буксиры и швартовались носом прямо к берегу.

Тем летом мы решились на это с одноклассником Веней Мельниковым. Тренировались, переплывая почти каждый день Поляпту, потом у плотов, заплывая все дальше в Полуй. Совершили большой заплыв по течению от устья Поляпты до пристани. Через реку стартовали с того же места, но не перпендикулярно, а с легким отклонением по течению, чтобы сэкономить силы. Рядом на лодке плыли «страхователи», братья Желтовские, будущие известные «речные волки», непревзойденные капитаны почтовых катеров. Стояла жаркая штилевая погода, и мы благополучно выбрались из воды чуть ниже «Дарьиной дыры» уже в новом «статусе».

Пройдя подобную «плавательную школу» и сев самостоятельно в калданку в детском возрасте, большинство салехардских ребят не боялось воды и ездило по реке почти в любую погоду.

С купанием связана короткая судьба и нашей первой послевоенной охотничьей собаки, местного лайкоида. Отец привез его из деревни при положительной и обнадеживающей характеристике — «шибко хорошо уток таскает». Крупный, остроухий, бело - желтый и добродушный Бобка постоянно сопровождал нас на берег и с удовольствием лежал на плотках, забредал в воду, приносил брошенную палку, не оставляя сомнения в своих охотничьих способностях.

Однажды в мое отсутствие соседские ребята из озорства столкнули его с плотов, причем в сторону реки. Пес не только испугался, но и нахлебался воды, выбираясь на высокие бревна. Брат Владимир рассказал об этом только на охоте, когда собака не захотела идти за лежавшей почти у самого берега уткой. Пока вода в озерах оставалась сравнительно теплой, мы сами частенько плавали за своими трофеями. Тех, что падали или забирались в траву, Бобка все-таки находил, хотя в пасть не брал, только придавливал носом. Но и такая помощь значительно сократила наши потери. На воде все-таки убитую утку видно — можно взять вброд или подождать, пока поднесет к берегу.

Зиму Бобка «проработал» дворовым сторожем, ни разу никого не облаяв, кроме чужих собак. И хотя ему был разрешен вход в дом (отец всех своих собак держал в квартире на правах члена семьи), спал пес больше на улице, оставляя на снегу подтаявший кружок.

В начале лета его увезли на родину, а взамен получили специально привезенную из стада небольшую оленегонную лайку Дамку с лисьей мордочкой, длинной шелковистой шерстью, пышным хвостом-калачиком, закинутым на спину. У нее были широкие и короткие уши,

похожие на половину квадрата, разделенного по диагонали. Внешне, ну, типичный шпиц с картинки из собачьей энциклопедии. Как все пастушеские собаки, она показала себя послушной, сообразительной и, можно смело сказать, даже умной.

Почти все лето Дамка провела со мной и братом Володей на рыбалке и сенокосе. Судя по ее поведению, мы были уверены, что осенью поохотимся без потерь. Но в августе началась необычная и сильная прибыль воды. Пойму затопило.

Вечерами мы ездили с отцом на вечерники, но уже не в Кысканы, около которых разворачивала свои объекты знаменитая 501-я стройка, а по Юркиной протоке. Сидели с манщиками прямо в замаскированной кустами лодке на подтопленной кочковатой гриве у озера, превратившегося в залив. Стреляли до самой темноты. Я — больше сидящих, хотя несколько шилохвостей взял при посадке с выпущенными лапами и на взлете. Дело в том, что легкую и «широкозахватную» двадцатку, возвращенную владельцу, пришлось сменить на стандартный по размерам и весу «Зауэр-Аист» 16 калибра. Я был невелик ростом и требовалось время, чтобы приспособиться.

Дамка с первого выезда поняла, что от нее требуется. Если утки падали в воду, она охотно плавала и выносила на берег, если в траву — я выходил и показывал, где искать. Работала лайка, в основном, низовым чутьем, как и Бобка; уток в руки не подавала, но и не теряла.

Из-за отсутствия луговых угодий раньше обычного начали охоту на реке. Чаще один, а по выходным с отцом илилевой я сидел в скрадке в самом узком месте правого полуйского рукава у Монашкина острова. К манщикам подлетали и серые, и нырковые утки. Стреляя влет, я осторожничал и одновременно нервничал, переживая замеченный резкий спад результатов в стрельбе.

Особенно это почувствовалось во время поздне-осенней охоты за северными нырками с подъезда. Тут уж я помазал много, но упорно садился на место стрелка и количество выстрелов перешло в качество. Несмотря на частые промахи, почувствовал уверенность, что все-таки овладею своим собственным ружьем.

Но следующей осенью и его пришлось временно сменить. Летом 1949 года отец купил шикарный, абсолютно новый, довоенный «Зауэр». Дорогая модель, XVIII-«Шедевр», имела стволы из лучшей крупновской стали (три двойных кольца); фигурную богато гравированную колодку с боковыми захватами; эжекторные выбрасыватели

гильз и тонкую ореховую пистолетную ложу с красивым выступом для щеки. Не ружье, а игрушка. После тщательной пристрелки отец добился очень резкого и кучного боя. Уезжая на два месяца лечиться от тяжелой болезни, связанной с пребыванием на фронте, он разрешил мне пользоваться им и дал совет: не стрелять ближе 25 метров, а выцеливать — не торопясь.

С новым ружьем я провел всю осеннюю охоту. Постоянным напарником снова стал Владлен, приехавший в Салехард продолжить учебу и временно поселившийся у нас. Он стал охотиться с моим «Анстом». Мы уезжали километров за шесть (два часа на калданке) на устье Щеголя к большому озеру.

Утром и вечером сидели вместе в скрадке, а днем бродили с Дамкой по берегам. Охотились до самых заморозков, ночуя у костра в полузаброшенной избушке без окон и дверей. Лайка работала очень спокойно, без особого азарта, но старательно и совсем не боялась холода.

Стрельба с земли вроде бы налаживалась, но по дороге, если был попутный ветер, я всегда старался не пропустить поднимающихся навстречу нырков. Увы, промахов было больше, чем попаданий.

Реванш взял тихим пасмурным днем, когда, возвращаясь с озера, оказались в левом рукаве Полуя, разделенного Монашкиным островом. Вдали показался дымок единственного тогда ходившего вверх по реке колесного теплохода. Треск тракторного дизеля, хлопанье огромных деревянных плиц поднимали стаи уток. Более легкие и маневренные хохлатые чернети еще как-то старались огибать лодку, а крупная морская чернеть и менее осторожная синьга шли, не сворачивая. Калданка не качалась на волнах, Владлен фиксировал веслами удобный ракурс прицеливания. На оставшиеся десятка полтора патронов я снял красивыми выстрелами шесть уток.

Это был своего рода приятный и успокаивающий заключительный аккорд на последней осенней охоте перед отъездом на учебу в Москву. Изменились и декорации. Пошел крупный и мелкий снег. Вода и воздух окрасились в нежный молочный цвет — белый, с легкой синевой. А в небе, словно из тумана, одна за одной возникали утиные стаи, улетающие на юг. И мне впервые захотелось написать об этом...

В начале зимы у Дамки появилось потомство. Перед тем как раздать его желающим, мы с Владленом провели испытание по старому способу. Еще слепых щенков клали на покрытый тряпкой

табурет. Все они, немного поползав, падали на пол. Только самый крупный чувствовал высоту и с пискотом отползал от края. Он был отдан приехавшему из армии дяде и получил кличку «Маркиз» в память его сеттера тридцатых годов.

Смышленный щенок вырос в огромную сильную лохматую собаку. Это был отчаянный драчун, проказник и самый настоящий вор. Дома и у соседей он съедал все, что плохо лежало — мясо, рыбу, пельмени; а однажды принес ягодный пирог вместе с противнем. Хозяин просто вынужден был избавиться от него и продал рыбакам в ближайшую деревню.

Осенние охоты 1950-51 годов я пропустил — сначала поступал в Тимирязевскую сельхозакадемию, затем был в военных студенческих лагерях. Когда впервые приехал на каникулы, Дамки уже не было в живых — умерла при родах. Поскольку дядя переехал в другой поселок, во дворе у нас жил Маркиз, не захотевший тянуть лямку ездовой собаки. Свои порочные наклонности он удовлетворял в соседнем дворе Дома пионеров, где под огромными брезентами хранились запасы железнодорожных строителей. Он постоянно «задирал» привязанных сторожевых овчарок и частенько приносил банки с тушенкой и стуженкой, лизал, кусал, с остервенением грыз их, чтобы добраться до содержимого.

Вот с таким «зверем» пришлось охотиться две осени. Картина, конечно, была живописная. Впереди иду я с ружьем и толстой таловой веткой, затем рвущийся из ошейника Маркиз и Володя, еле удерживающий поводок двумя руками.

У очередного озера, если были кусты, пса привязывали и он, как ни странно, уже не пытался вырваться, наверное сказалась работа в упряжке. Мы обходили озеро и отпускали Маркиза подбирать добычу. Здесь он был силен и неутомим — разыскивал в траве, много плавал. Как-то с одного озера вынес подряд 18 уток, пару даже захватил враз.

Ну уж если срывался с поводка, то с лаем носился вокруг, распугивая все живое. Тогда приходилось садиться к стогу и ждать, пока набегается. Как бы то ни было, уток мы с ним не теряли, а потерялся он сам. Говорили, что увели назад рыбаки.

Мои последние каникулы впервые полностью совпали со сроками охоты, но все омрачилось отсутствием собаки. Опять вход пошли разные приспособления в виде гири или палки на веревке и вынужденные заплывы. Порой приходилось думать, а стоит ли стре-

лять. Куда упадет утка — в непроходимые крепи или далеко в воду? Местом постоянной охоты стало большое озеро недалеко от Плехановской избушки. Оно имело форму восьмерки с двумя выдающимися мысами, на которых стояли мой и отцовский скрадки. Всегда находилась здесь и калданка, перетащенная с реки через три перешейка между цепочкой озер. На ней обычно плавали Володя и подросший, уже послевоенный брат Борис. Благодаря лодке битых уток на воде собирали, но ходовой охотой почти не занимались во избежание потерь.

Недалеко от «восьмерки» располагалось узкое длинное озеро с низкими топкими берегами. Дичи днем на нем почти не было. Через небольшой перешеек, 70 на 30 метров, начиналось огромное озеро, почти сор, длиной километра два и шириной 200 — 300 метров. На нем мы тоже не охотились, т.к. птицы обычно сидели далеко от берега. Между этими озерами я стал позже ходить на уже известный читателям обмелевший Карым-Посл, где стрелял уток «на грязях» и почти без потерь.

Однажды утром я остановился на перешейке полюбоваться вдруг по-новому открывшейся красотой большого озера.

Большое озеро как блюдо.

Над ним скопление облаков,

Нагроможденных белой грудой

Суровых горных ледников.

Пастернаковские строчки дополнялись отражением облаков в стеклянной воде, игрой сменяющихся красок: розовых, голубых, дымчато-серых — на светлой глади озера и темных — в тени высоких травянистых берегов. Я достал блокнот, чтобы записать впечатления, но тут же нагнувшись, потянулся к ружью. Прямо на меня летели утки, рядом — еще. Сделав несколько выстрелов, понял, что попал на основной перелет по давно знакомой системе озер и проток. Не поленился тут же нарубить веток в соседнем ивняке, принес сена и построил два скрадка.

К вечеру приехал отец, и мы обновили место. Ходу было от стана минут сорок, пришли на перешеек поздновато, утки уже свистели вовсю. Я выбрал дальний скрадок и сразу же сбил высоко налетевшего со стороны узкого озера лутка. Отец сделал дуплет по шилохвостям. Пока я забредал за ними, совсем стемнело.

Мы стояли у отцовского скрадка, собираясь уходить. Он зажигал

керосиновый фонарь «Летучая мышь». Я ждал на тропе с рюкзаком за плечами и ружьем в руках. Вдруг в полосе светло-розового заката показалась быстро летящая утка. После выстрела на вскидку она колесом закувыркалась и исчезла в темноте. Удачно выбежав к месту падения, по легкому хлопанию крыльев подобрал красноголового нырка.

Отец сказал, что даже если здесь не перелет, то ради таких выстрелов можно было сходить в эту даль. На утро пришли затемно и не пожалели — утки летали на разной высоте стая за стаями. Место очень понравилось. Потери трофеев компенсировались «королевской» стрельбой.

На предпоследней охоте мы красиво настроились вечером около десятка уток и почти половину не нашли. Запомнился редкий угловой дуплет по свиязям. После выстрелов птицы как бы останавливались и медленно парашютировали к земле, одна даже плавно вращаясь по спирали. Обе упали совсем рядом ... и как испарились, хотя я, казалось, разобрал все травинки и заглянул под каждую кочку.

Когда пришли на стан, у костра вместе с братьями сидели два немного знакомых охотника. Рядом лежала темная небольшая собака с длинными ушами.

Отец сходу меня подловил: видишь, люди с помощницей, а ты четыре года прожил в Москве и не смог найти сеттера или пойнтера.

— Какая помощница, — заплевались мужики, — дрянь ленивая. Два раза в озеро кидали, совсем уток не берет. Бросим здесь, берите, если надо. Попив чаю, они ушли. Собака и не пошевелилась, тем более ребята уже хорошо подкормили ее, приласкали и назвали Найдой.

Перед рассветом без особого приглашения она потянулась за нами на перелет. Эффект, как говорят, превзошел все ожидания. Около моего скрадка собачонка повела носом, потянула по ветру в траву, громко зафыркала в кочках и одного за другим обнаружила пару свиязей. На зорьке валом пошла северная утка. Как только моя или отцовская добыча падала, мы вместе с Найдой бежали подбирать. Нашла она и другие вчерашние потери.

Утром окончательно рассмотрели свою бесценную находку — помесь единственного в городе пойнтера (кстати, комнатного нерабочего) и дворняжки. От породы, кроме ушей и гладкой шерсти, осталось немного крапа. Цвет преобладал черный, хвост был более толстый, с белым кончиком, но прямой и горизонтальный. Тут уж не до экстерьер-

ера, а работница оказалась прекрасная. Правда, сначала неохотно шла в воду, вероятно после принудительного купания.

На следующей охоте Найда сама следила за пролетающими утками. Как-то схватила острохвоста, едва он коснулся травы, а в это время второй свалился ей прямо на спину. Она низко присела от испуга и неожиданности, наверное, вспомнила старых хозяев, резко повернулась, но увидев утку, яростно вцепилась в нее зубами.

Когда я окончательно вернулся через год в Салехард на работу в сельскохозяйственную станцию у Найды подросла дочь Кукла — почти полная ее копия, только вся темная, без крапа и с более толстым «дворняжистым», но прямым хвостом.

Найду отец оставил себе, а мне досталась молодая, теоретически подготовленная собака со знанием основных команд, передней и задней поноски, приученная к воде.

Первую утку сбил для нее не совсем удачно. Высоко летевшая шилохвость спланировала рядом с нами на стерню и тут же подняла голову. Кукла насторожилась, напряженно вытянулась и стала медленно, как бы принюхиваясь, подходить к ней сзади. Когда расстояние сократилось до нескольких сантиметров, птица легко поднялась и стала круто набирать высоту. Собака лишь лязгнула зубами в прыжке. Мы с братом, хотя и держали ружья в руках, от удивления даже не обстреляли беглеца, который был, видимо, только шокирован дальним выстрелом.

Так проснулся азарт, а остальное вышло без особых проблем. Она постоянно вела поиск, любила воду, порой ловила чужих подранков. Была очень цепкой к добыче. Иногда я делал вид, что не замечаю собаку, и Кукла спокойно шла за мной по тропе с уткой в зубах, пока не забирал у нее добычу.

Как-то она ошенилась перед самым охотничьим сезоном. Беспородный помет был обречен на утопление. Но среди черных дворняжек оказался один белый крапчатый щенок с более длинными ушами. Рискнули оставить — вдруг пойдет в деда и назвали Мишкой. Вместе с ним пощадили еще одного, для компании. О том, чтобы не взять Куклу на охоту и речи не могло быть, повезли вместе с выводком. Я носил щенков в корзине и укладывал в скрадке на сено. Кукла лежала с ними, а после выстрелов выбегала за утками.

В начале теплого осеннего дня, мы пошли на привал. Корзину я нес на руке. Кукла челноком бегала по высокой траве. Смотрю, вышла

на тропу с живым чирком в зубах и отдавать явно не хочет. Кое-как выманил у нее слегка помятую птицу и положил в корзину с намерением где-нибудь незаметно выпустить.

Около длинного озера, окаймленного густым тальником, я оставил корзину на кошенине и пошел посмотреть, не сидят ли где утки, собака, конечно, со мной. Вернувшись, увидел перевернутую корзину, рядом ползающих с жалобным писком щенят и сидящего чуть в стороне чирка. Кукла, игнорируя детей, заспешила к утке. Но увы, чирок вспорхнул у нее из — под самого носа и низко потянул за кусты.

Грохнул быстрый дуплет. Я был уверен, что чудом спасшийся чирок уже в ягдташе у отца или брата. Но вот они выходят. Один смеется, другой ругает не то кривой пыж, не то крупный порох. Чирок, побывавший в зубах собаки, в руках человека, под выстрелами охотника, оказался счастливым.

Поохотиться с персональными собаками нам удалось только одну осень. Зимой Найда погибла под машиной, а Кукла выросла в почти идеальную утятницу, прослужившую мне верой и правдой семь сезонов. Но каждую осень в начале сентября я обязательно и в ущерб утиной охоте пару выходных посвящал лесотундре. Издали в пасмурную погоду синяя, а на солнце — золотая, вблизи она поражала пестротой и яркостью красок. Стоит рядом платино-изумрудная пушистая лиственница и пожелтевшая березка, ярко-зеленая трава у озер контрастирует с желто-багровыми листьями ягодников и низких кустарников.

Вдруг Кукла насторожилась, нервно понюхала воздух и потянула в низину. Вот она уже почти крадет, прижавшись к земле, вытянувшись от головы до хвоста в одну линию. Я осторожно спускаюсь на перерез и вижу, как из карликового ивняка появляются прямые шеи куропаток, услышавших собаку. Выводок веером разлетается. Звучит дуплет, и Кукла быстро разыскивает пару кирпично-пестрых птиц. И мы идем дальше за переместившимся выводком. Такие охоты всегда вызывали у меня мечты о настоящей легавой, делающей стойку. С ней можно было бы красиво, по-тургеневски или по-некрасовски, поохотиться на дупелей и бекасов, которые нередко встречались на осенней пойме.

К сожалению, судьба Куклы не была счастливой. В начале зимы 1961 года она попала под машину. Что ж, у каждой собаки своя драма, но конец всей династии оказался одинаковым, включая и Мишку.

Тот белый щенок, что ездил на охоту еще будучи слепым, вырос в крупную красивую собаку. По стати и масти это был почти пойнтер. «Пролетарское» происхождение выдавали лишь маленькие хитрые глаза да толстый хвост крючком. Пес много лет помогал постаревшему отцу в его неторопливой охоте. В быту он был на редкость умным. Ходил за покупками в соседний магазин с кирзовой сумкой, где лежали записка-заказ и деньги. Частенько ездил на автобусе к брату Володе пообедать и никогда не путал остановки. Прожил лет 15 и под конец почти ослеп, полностью оглох и был задавлен грузовиком.

В год смерти Куклы меня назначили директором совхоза в Тарко-Сале. Там были все традиционные отрасли: оленеводство, рыболовство, звероводство и сопутствующий в разной мере всем им охотпромисел.

За два года я с интересом познакомился с его организацией, а также с азами охотустройства, которое вели тогда на территории хозяйства известный охотовед, автор книги «В краю кедров и соболей» Григорий Бабаков и его друг Владимир Бушменов. Много узнал я при частом общении с этими молодыми, но уже «прожженными» тасжниками.

Но главное, конечно, сам процесс охоты, особенно на боровую дичь (остальными видами я не увлекался). Помню, вышел из Ан-2 на лед Пура. А за рекой все высокие березы покрыты черными и серо-бурыми фигурками косачей и тетерок, а темнеющие ниже тальники — белыми куропатками. Увидев мое удивление, а также ружье среди вещей, встречающие обнадеживающе и как-то интригуяюще сообщили, что в лесу за километр — два от поселка водятся не меньше глухарей и рябчиков.

Мне повезло, что в совхозе работали самые увлеченные таркосалинские охотники, хорошие стрелки и знатоки угодий: инженер рыболовства Иван Маркович Морозов и бухгалтер Владлен Иннокентьевич Уваровский — сын известного организатора охотпромысла на полуострове Ямал в начале 30-х годов, т.е. охотник «с пеленок». О делах его отца и других первопроходцев Ямала я прочитал позже в занимательной книге В.Козлова «Полярная фактория». Кроме всего прочего, Иван Морозов славился редким тогда немецким бокфлинт-ом, а Владлен Уваровский — лучшими лайками-глухарятницами.

К осени я вырастил себе собаку из этого же гнезда. Снежно-белая стройная Кукла с узкой мордочкой и острыми ушами-локаторами

начала облаивать белок в возрасте шести месяцев. Зверьков я никогда не стрелял. Ружье взял позже, когда в распадках появились выводки рябчиков, безотказно идущих на свисток — «пищик». На безлистных деревьях появились стаи тетеревов, а на песчаных речных отмелях — огромные скопления глухарей. Однажды, проезжая на катере перед самым ледоставом, мы насчитали около трехсот штук и сбились со счета.

У наиболее посещаемых «песков» были оборудованы стационарные «огневые точки», нечто вроде окопа полного профиля, откуда не торопясь стреляли из мелкокалиберных винтовок метров за 100—120 по заранее определенным ориентирам. Рассказывали, что несколько лет назад, когда нечем было кормить песцов на звероферме, два охотника добыли за утро 60 глухарей. В лесу птицы подпускали очень близко, на дробовой выстрел, а облаянные собакой — с любопытством наблюдали за беснующейся под деревом охрипшей лайкой, забавно поворачивая толстые шеи.

Признаться, я не получал удовольствия от стрельбы по неподвижной крупной мишени, а специально испугивать, как утку, не было смысла, т.к. глухарь падал сначала камнем и сразу скрывался в ветвях деревьев. Но мне очень нравилось наблюдать собачье рвение в поиске и реакцию птицы. Стрелял же я с большим удовольствием шумно взлетающих с земли рябчиков или поднимающихся почти вертикально из тальниковых зарослей куропаток — тут уж без собаки никуда.

Но снова собачья трагедия. Весной какой-то пьяный хулиган расстрелял из дробовика греющихся на солнце собак, в т.ч. и Куклу. Через некоторое время друзья привели мне случайно оставшуюся без хозяина старую оленегонную лайку Чайку, очень похожую на уже известную Дамку, только белую. Об уме и разносторонности этой собаки ходили легенды, и несколько пастухов предлагали мне за нее по паре оленей. Действительно, она не умела только говорить, но необыкновенно широкий диапазон звуков и интонаций, казалось, позволял прочесть ее мысли.

С ней мне довелось поохотиться осенью 1963 года уже в Салехарде, куда меня снова перевели на работу. Где-то в середине сентября, в субботу, вместе с новыми сослуживцами — известным в свое время комсомольским деятелем Николаем Вора и уже знаменитым поэтом Леонидом Лапцум — поехали на двух калданках на большое озеро к устью Щеголя. Надеюсь на собаку, я оставил лодку на берегу, забросил

в избушку одежду с припасами и быстро пошел к месту. Спутники задумали перетащить свою калданку в озеро. Я уже замаскировал сеном остов старого скрадка, расставил маншики и с ожиданием вглядывался в хмурое небо: не летят ли утки. Тем более оказавшийся на озере знакомый охотник сказал, что лета не было.

Невдалеке послышался негромкий возглас Лапцуя, — яптик? яптик (гусь, гусь — по-ненецки)!

Какой Яптик (это уже фамилия нашего общего знакомого), Семен что ли, откуда он здесь взялся?

— Садись ниже, — прошептал уже по-русски Леня, — гусь летит.

Приняв сигнал, я тоже спрятался и через несколько мгновений белолобый гусь был рядом. Первый выстрел заставил его часто замахать крыльями на месте, а второй — замертво свалил прямо в маншики. Чайка как-то спокойно и солидно зашла в воду, взяла гусака за бок ниже крыла, медленно подплыла к берегу и вытащила тяжелую птицу задним ходом.

К сумеркам прояснило, подул запад и начался интенсивный пролет северных серых уток. Несколько шилохвостей, в т.ч. уже начавших приобретать зимнюю окраску селезней, составили наши с Чайкой трофеи. Большинство из них она разыскивала в густой некошенной приозерной траве.

Ночь мы просидели в избушке, вспоминая юность. Николай был секретарем Пуровского райкома комсомола, Леонид — Ямальского, а я часто приезжал к ним как корреспондент «Тюменского комсомольца». Лапцуй читал у костра новые стихи... Утром все озеро затянуло тонким льдом — конец охоте.

Следующее воскресенье, день осеннего равноденствия, я решил провести в лесотундре. Ночью засветилось первое полярное сияние, а с утра поднялся густой туман, рассеявшийся лишь к полудню. Очень похолодало и от резкой конденсации влаги образовалась сильная изморось. Потяжелевшие листья ив и берез, окаймленные сверкающими льдинками, стали опадать желтым дождем.

Куржак (кухта) посеребрил зеленые ели, придал благородный матовый отблеск золотистым лиственницам, а ивы и березы приобрели совсем зимний вид, опустив свои безлистные ветви серсбрынными нитями.

Солнечные лучи заиграли на светящихся инеем бордово-красных листьях рябины, толокнянки (волчьей ягоды), голубики. Морозными

узорами заблестел на озерах тонкий прозрачный ледок. Взматеревший выводок куропаток поднялся врассыпную, сверкая первой белизной пера. Это был последний праздник осени и, увы, последняя охота с Чайкой.

К тому времени в городе стали появляться первые породистые охотничьи собаки. Я выбрал спаниелей и только с ними в течение 30 лет по-настоящему разгорелась моя охотничья звезда.

5. Спаниели в Салехарде

Спаниели /испанские по происхождению/ — целая группа маленьких длинноухих сеттерообразных собак, универсальных для охоты по перу. Это птичьи гончие, которые в отличие от легавых разыскивают и поднимают дичь на крыло без предварительной остановки-стойки.

Первые спаниели появились в округе в самом конце 50-х годов, скорее как декоративные домашние собаки. В начале 60-х годов я знал только трех рабочих спаниелей, принадлежавших Ф.К.Того, А.П.Морозову и Н.М.Михальчуку.

Летом 1964 года из Салехарда уехал работавший там перед пенсией известный российский охотовед и автор многих охотничьих книг Григорий Евгеньевич Рохманин, наш добрый знакомый и участник совместных охот. Волею случая мне достался подаренный ему молодой черный спаниель по кличке «Джой», что в переводе с английского означает — «радость». Поскольку это оказалась дама, именовать ее пришлось упрощенно Джоя или Джойка. Она быстро вошла в семью, подружилась и росла вместе с маленькими детьми-погодками. От общения с ними любимым лакомством ее стали сладости, а игрушкой — мячик.

Обе слабости были зачислены в арсенал средств обучения. Расколотые на четыре части плоские кусочки сахара выдавались за правильное исполнение элементарных команд: «ко мне», «сидеть», «лежать» и т.п. Мячик использовался при отработке, как тогда называли, передней и задней поноски. Я бросал его в траву с командами «ищи» и «дай». Следом освоили розыск и подачу незаметно спрятанного мячика или гладко остроганной палочки. Ее Джойка легко научилась доставать из воды, сначала с мелководья, потом с глубины. Плавать, как и мыться в тазу или речке, она очень любила.

Чтобы приучить к выстрелу, я брал в левую руку ружье, а правой с силой швырял учебную палочку в старые дощатые ворота, издававшие при этом резкий хлопок. Вот и вся школа, которая продолжалась полтора месяца.

Осень выдалась весьма неблагоприятная для охоты — дождливая, с ранними заморозками и высоким уровнем воды. Местами были подтоплены не только луговые травы, но и кустарники. В последние дни августа мы выбрали для первого выхода то ли протоку, то ли

широкий затопленный ручей с высокими крутыми травянистыми берегами, переходящими в небольшие илистые отмели, у которых кормились утки.

Помня урок отца, что первую утку желательно сбить влет и обязательно на виду у собаки, я подкрался под прикрытием кустов ивняка к стайке свиязей. Они взлетели почти вертикально и после дуплета пара упала в воду. Джойка с ходу бросилась за ними. Схватила одну, но тут же выпустила, поплыла к другой, понюхала и, чуть прикоснувшись, вернулась ко мне.

Это был первый удар по дрессировщику. Чего только не бросал в сторону уток — стреляные гильзы, сучья, даже кочки с травой — бесполезно. Собака больше в воду не пошла. И тут наступило озарение — она же не приучена к «вкусу» пера. Ну что же мешало привязать к учебной палочке утиное крыло? Решил проверить версию на суше. Недалеко на гриве нашел небольшое озерко и «чисто положил» взлетевшего соксуна-широконоску прямо на скошенный луг. Мне было хорошо видно как Джойка подбежала к утке, сосредоточенно обнюхала, с явной брезгливостью пощупала за самые кончики перьев и отошла. На этом охоту и закончили.

Целую неделю небольшая утка служила учебным пособием. Я то бросал ее в траву, то прятал, ругался или льстил, часто доставая из кармана коробочку с сахаром. И научил собаку искать и приносить настоящую дичь.

Но в следующей поездке снова осечка. Упавшую далеко за середину протоки утку, Джойка вынесла на противоположный берег и с чувством исполненного долга приплыла ко мне. Чтобы взять трофей, пришлось долго идти до брода, возвращаться назад по другому берегу и шагать обратно. Во время перехода я беспрестанно стыдил собаку и недовольно ворчал. К счастью, такой случай был первым и последним. Дополнительной тренировки не потребовалось. При дальних аппортах просто громче и настойчивее кричал: «Дай-дай-дай» и всячески подбадривал плывущую Джойку.

Зато третья охота получалась оригинальной и неповторимой. На одном полноводном пойменном разливе /соре/ скопилось много шилохвостей. С затопленных берегов подобраться к ним невозможно, как и найти подходящее место для скрадка. Вспомнились мне довоенные охоты с отцом с подъезда на калданке, а Джойка натолкнула на другую мысль.

Вдруг четко представилась взволновавшая меня когда-то большая цветная вклейка из второго тома «Настольной книги охотника» за 1956 год. В плоскодонке сидит стрелок с дымящимся ружьем, сзади — старик-егерь с длинным веслом, а на носу лодки, затянутом брезентом, — спаниель, готовый броситься за падающей краснолапой кряквой. Туманное утро, размытые силуэты кустов, тихая вода, из которой поднимаются камыши, плавающие листья кувшинок.

Все как у нас. Только вместо тумана мелкий дождь, вместо камыша — осока, вместо кувшинок — широкие изумрудные листья рдеста, стебли которого на метр-полтора уходят в глубину. Первые дюралевые шлюпки — казанки делали с плоским рифленным дном и очень легкие. Мотор, бачок, прочий груз — на берег и начинаю вдохновенно строить декорации. Закрываю для Джойки скользкий нос лодки палаткой. Ставлю перед собой как в книге чемодан с патронами, важно рассказываюсь на переднем сидении, а напарник стоит на корме с веслом. Вперед, за давней мечтой!

Сменяя друг друга, мы медленно объехали сор. Утки вылетали из затопленных кустов и травы. Спаниель бесновался на носу — скулил, визжал и лаял. Когда трофеи падали на берег, мы приставали, а Джойка прыгала за ними и приносила к лодке. Дожди шли полтора месяца. В середине сентября с одноклассником и давним коллегой-газетчиком Александром Сущим мы приехали на его «вотчинное» кормовое озеро на берегу Харпосла около верхнего устья Хадара. Ливень не дал выйти из палатки ни вечером, ни утром.

Прояснило только к следующему вечеру, но утки совсем не летали. В сумерках на западе возникла волшебная небесная картина. На фоне последних синих облаков, уходящих за горизонт, золотыми нитями заиграли в лучах заката тончайшие паутинки, прикрепленные пауками-летчиками к верхушкам таловых кустов. Синева, одновременно густая и светящаяся тонким переплетом узоров словно на дорогом фарфоре, так и просит золотую каемочку. И она появляется в виде узкой полоски зари. Фантастика, магнетизм, мистика действуют воедино. И вот уже забыл, кто ты и где находишься, как будто душа на мгновение улетела, как бабочка на свет. Остается только сказать словами Ивана Бунина: «Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспомню».

Ночью вспыхнули яркие звезды, широкой дугой обозначилось на небосводе серебряное коромысло Млечного Пути. Под утро выпал

сильный иней. Желто-бурая осока подмерзла и поседела. Меняющиеся краски и звенящая тишина на рассвете были так же невообразимы. Пожалуй, точнее всего их передадут запавшие с детства строки:

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка.

От зари алый свет разгорается.

Диссонансом прозвучал мой единственный выстрел. Тяжелый гоголь контрастно обозначил в траве место падения сбитым инеем, а Джойка почти по прямой пошла за ним.

Через несколько дней братья пригласили меня и нашего общего друга, известного в свое время фотографа Виктора Рочева, на глухариную охоту. Темной ночью мы отплыли вверх по Полую. Мелкий дождь, ветер и холод полностью ощущались в открытой деревянной мотолодке-бударке. Уютно чувствовали себя только Виктор, забравшийся со всей аппаратурой в узкое носовое отделение да Джойка, антирадикулитным поясом расположившаяся под моим суконым гусем (одежда типа малицы).

Безотказный двигатель «Л-6» мерно стучал в совсем небольшом отсеке с откидными крышками, где устроились братья, то и дело пристраивая чайник на блоке цилиндров у выхлопной трубы. Я нес «собачью» ночную вахту, сидя у штурвала.

К рассвету достигли устья лесной извилистой речушки Собты-Юган и целый день под морозящим небесным душем «считали» мели. Часто всем «квartetом» вылезали за борт и проталкивали лодку вперед по сантиметрам, на каждом шагу рискуя оставить сапоги в илистом дне. Поздно вечером пристали к Юган-Горту — осеннему стойбищу рыбаков и ондатроловов. Половина пути. Темное время скоротали в гостеприимном чуме старого знакомого ханта с библейским именем Пилат, данным ему при крещении дореволюционным обдорским священником. О тех временах напоминала потемневшая икона Николая-угодника, наиболее уважаемого аборигенами русского Бога.

Наутро никакие боги нас не миловали, и верный спутник-дождь сопровождал снова. Узкая и извилистая, как спираль электроплитки, река, казалось, не имела конца, хотя близость берегов создавала иллюзию быстрого движения. Серая скучная дорога изредко прерывалась короткими солнечными минутами, когда по берегам вспыхивал яркий калейдоскоп красок. Шоколадно-зеленые ольхи, желтые бере-

зы, бледно-зеленые лиственницы, а на фоне темных елей и кедров — контрастные огненные рябины с оранжевыми гроздьями плодов, сиренево-багровый голубичник, крупные желто-малиновые ягоды шиповника. Навстречу плыли первые опавшие листья. В заводях они скапливались и кружились причудливыми разноцветными колесиками-водоворотниками.

В тихих затоках на мутно-зеленой от планктона воде кормились местные утки-гоголи и лутки, гнездившиеся в дуплах прибрежных деревьев. Изредка из-под склонившихся с берега ивовых ветвей выплывали неосторожные чирки. Других серых уток почти не было. Посередине, беспрестанно ныряя, спускались вплавь к Оби чернозобые гагары, покинувшие лесные гнездовые озера. Иногда они возникали из воды почти рядом — темноголовая мама и пепельно-серый гагаренок. Их заостренные поднятые вверх клювы напоминали перископы подводных лодок.

А вот и объект предстоящей охоты — одинокий глухарь настороженно вытянул шею и на удивление легко, почти вертикально взлетел с песка. Все это с интересом наблюдала и Джойка, которой надоело почти сутки сидеть в темном укрытии. Она ловила новые запахи, хищно смотрела на встречающихся птиц и принимала участие в попутной охоте на чирков для котла, если они падали на берег.

Только к концу дня, оставив позади добрые полторы сотни километров, мокрые, уставшие и совершенно невыспавшиеся, добрались до места. Это был высокий лесистый мыс на почти прямоугольном повороте реки. Сюда в предрассветные минуты прилетали глухари и рассаживались на верхушки елей и кривые сучки старых лиственниц, чтобы осмотреться перед перелетом на большую песчаную отмель противоположного берега. Там они клевали мелкую гальку, выполняющую роль свособразных жерновов в их желудках для перетирания грубой зимней пищи — хвои и почек. Слева отмель переходила в высокий крутой березняк, который опоясывал изгиб старицы, напоминающий очертанием след лося или оленя. В переводе с хантыйского урочище так и называлось — «Третье копыто».

Лодку удобно причалили к добротному плотнику, оставшемуся от какой-то экспедиции. Быструю разгрузку стимулировал разгулявшийся дождь, такой что Джойка даже не захотела оставаться на берегу и снова спряталась в бударке. А мы в темпе установили брезентовый навес под припасы, сделали стол с сидениями, соорудили высокую

постель из лапника. С палаткой же неожиданно пришлось повозиться — кто-то явно подшутил над нами. Веревки-растяжки были не только запутаны и завязаны, но и местами заплетены в тройные косички. Зато, когда туго ее растянули, привязав одним концом к рябиновому кусту, осыпанному ягодами и склонившемуся к обрыву, — он выпрямился и как вымпел запламенел над нашим станом.

Флаг охоты поднят! На трескучем еловом костре ведра с утятинной и чаем. Достаются брусника, копченая рыба, лосятина от Пилата, а также вверенная мне, как старшему по возрасту, пятилитровая канистра с палящей перцовой настойкой «Два стручка». За удачу! Забылись холод, усталость и дождь, который как по заказу прекратился на время ужина. Братья, не раз бывавшие здесь, определили нам с Виктором стрелковые номера. Подъем назначили на четыре часа, чтобы затемно быть на местах.

Трудности дороги сделали свое черное дело: под шум дождя мы проспали рассвет. Когда в седьмом часу выбрались из потемневшей от влаги палатки, на песке еще разгуливали три птицы. После торопливых винтовочных выстрелов две улетели, а одна, не торопясь, ушла в лес. Осталось только поздравить друг друга с «удачным» началом сезона.

К пасмурной погоде примешался сильный ветер, когда ни один глухарь не решится сесть на качающиеся верхушки деревьев. Тут мы сами проявили инициативу в поисках дичи и предприняли поездку вверх по реке. Экспедиция продолжалась недолго. Примерно на четвертом километре за кормой что-то громко треснуло, и с шумом всплыл полугнилой ствол березы. Лодка остановилась, хотя мотор заработал еще громче, почти с ревом. Все ясно — отлетела лопасть винта.

Как назло, кругом крутые берега. Долго искали более или менее пологий, чтобы поднять корму. Поставить запасной винт было несложно. Надели на вал, оттолкнулись и поехали. Но опять мотор ревел, а лодка — на месте. Оказывается, винт посадили слабо. А нас уже отнесло от удобного места и пришлось долго плыть по течению до очередной отмели. Снова причалили и укрепили винт шайбой. И опять заковыка — не подходит шпонка. Инженерная мысль нашла простой выход — применили обыкновенный гвоздь, выдернутый из борта. Ремонт окончен, но и время охоты прошло. Глухарь — птица утренняя.

Осталось заняться рыбной ловлей, расставив в заливе пару сетей. Вечером, назначенный постоянным поваром, я приготовил двойную рыбацкую уху, сварив сначала семь крупных окуней, головы и хвосты трех щук-двухлеток. Затем запустил в бульон круглые картофелины, куски щучьего филе, лук, перец-горошек и лавровый лист. Если бы где-то рядом был медведь он точно пришел бы на аромат этого блюда. Насладиться лесным кушаньем нам пришлось в тесной палатке, спасаясь от зарядившего на всю ночь дождя.

На следующее утро встали вовремя, вскипятили чай, закусили холодной рыбой в желе из загустевшей ухи (что тебе заливное!) и осторожно разошлись по местам. Я весь был обращен вслух, и мое волнение телепатически передовалось собаке. Она то нюхала воздух, то с фырканьем рылась во мху, то садилась около меня прямо на сапоги и вздрагивала от каждого звука. Вот кашлянул брат: «Кха-кха.» Тут же пересмешница-сойка резко передразнила его: «ка-а-а, ка-а, ка-а!» Где-то заревел лось. Совсем близко отрывистым мычанием ему отвечала лосиха. «У-у-у!», — закричала сойка и улетела.

Джойка вздрогнула от шума, с которым на вершине высокой ели усаживался глухарь, а когда тяжелая птица, ломая ветви падала на землю, собака в панике забиралась мне под ноги. После того, как я ее успокоил и подвел к глухарю со знакомой командой «ищи!», она осторожно обнюхала его, и заметив, что тот подает признаки жизни, азартно вцепилась и пыталась сдвинуть с места. Но, естественно, тщетно.

Услышав выстрел Володи, стоящего рядом, убежала и потрепала его глухаря. Потом уже при свете заметила севшую невысоко от земли глухарку, затявкала на нее, как лайка, и стала яростно царапать когтями ствол лиственницы.

Виктор на утренник не ходил в надежде заняться съемками, если позволит погода. К нашему приходу он подогрел чай. Мы с удовольствием расселись за столом, но разом почувствовали необычный цвет и вкус напитка. Оказывается, в ведро свалилась кожаная перчатка, сушившаяся на тагане. И это не последний поварской сюрприз.

Недалеко было большое лесное озеро, куда мы решили перетащить калданку, чтобы поставить сеть на карасей. Пока ребята плавали в поисках лучшего места, а Виктор фотографировал, я добыл несколько рябчиков: часть подманил свистком, часть Джойка подняла с земли. Работала по ним с удовольствием, быстро разыскивала и доставляла

убитых. Принесли с собой огромного золотистого карася. Но всем виделось, конечно, изысканное блюдо из рябчиков. И оно удалось бы на славу, не попади случайно в котел вместе с картошкой кусочек хозяйственного мыла.

Редчайший в практике случай! Охотники, давясь от смеха и проклиная «шеф-повара», довольствовались чаем. Джойка аппетитно похрустывала деликатесной птичкой, хотя раньше в рот не брала мясо не только уток, но и куликов. Поистине — «лошадь ела пряники, а мужик — овес». Я тут же вымыл ведро и сварил карася, в котором оказалась целая тарелка икры. В качестве компенсации пришлось налить каждому из канистры. Но пиршество опять прервал дождь.

Были дни более удачные и менее также. Под навесом появились трофеи. Общее, что объединяло наши охотничьи будни, — относительное тепло и сплошные дожди. Ночью на свет костра вылетали мотыльки и другие насекомые, а днем и вечером заедал гнус. Особенно мелкие, с игольное ушко осенние мошки. Они атаковали целыми полчищами, нанося очень болезненные укусы. Хватало и нормальных крупных мошек, и обыкновенных комаров. Наши лица, шеи, руки покрылись красными волдырями. Шел конец сентября — обычная пора морозных утренников и застывания озер. Но вместо инея и льда мы наблюдали типичное летнее явление — сильную продолжительную грозу. Заметили первые признаки прояснения — высоко в небе парили четыре орлана-белохвоста.

На один день впервые появилось солнце. Лес засветился последним золотом. Еще через день был первый заморозок. Глухари активизировались, все мы взяли за утро по три штуки. Начался листопад у ольхи и березы. Вместе с листвой ветер срывает с елки перо глухарки, и оно медленно опускается к земле.

В предчувствии холодов на болоте радостно забормотали куропатки — моя любимая осенняя дичь. Насколько красиво ходить на них со спаниелем. Работая поочередно нижним и верхним чутьем, Джойка вплотную подвела к выводку, а после дуплета галопом бросилась разыскивать трофей.

На нашей флаг-рябине побывала веселая стая хохлатых звонкоголосых свиристелей — верный показатель близкого похолодания. Затрещали под ногами опавшие листья, захрустел первый тонкий ледок. Облака окрасились в холодные бледно-лиловые тона. Слышатся прощальные крики лебедей и гусей, резкий свист утиных

пролетных стай. Закружились первые редкие снежинки. Они все гуще, но такие легкие, что, как звездочки, повисают на протянутых между деревьями паутинках и сверкают на солнце искрящимся ожерельем.

На подстывшую землю выпал золотой дождь лиственничной хвои. Она всюду: в котелках, кружках, за нашими воротниками, желтой закрученной струей плывет по речной стремнине. На оголенных берегах за речкой расселись тетерева и заворковали почти по весеннему нежными булькающими голосами.

— Ставь прицел мелкокалиберки на 120 — 130 метров, — сказали братья. — Все легли на обрыв и, тщательно выцеливая, сделали выстрелов двадцать, пока стайка не разлетелась. Свалилась с деревьев только пара косачей, и мы поехали за ними на лодке. Увидеть чернышей на светлом ковре листьев не составляло труда — обошлись бы без собаки, хотя она их тоже заметила и потрепала.

Зная, что крупные птицы, порой даже пробитые насквозь маленькой свинцовой пулькой, сгоряча улетают довольно далеко, мы углубились в лес. Вот тут-то Джойка себя показала. При помощи только верхнего чутья, понюхав воздух и поймав запах, она как-то боком, с поднятым носом вышла поочередно на двух еще теплых лирохвостых красавцев. Через некоторое время взяла след, долго крутилась вокруг большой кучи бурелома и выгнала юркого подранка, которого пришлось дострелить. Теперь весь набор боровой дичи стал ей знаком.

Золотая осень была грубо прервана штормовым северным ветром со снегом. Вокруг все побелело. Днем ветер и снегопад прекратились, снова установилась сухая погода. Начали понемногу собираться домой. Сходили на озеро за лодкой и сетями. Вечер провели за ухой у костра. Утром поднялся ветер, поэтому вылет был плохой. Подманивали рябчиков на свисток. Один петушок сел на противоположный конец вывороченной ели, в корнях которой я устроился как в кресле. Отсидев зорьку, вышел на крутояр полюбоваться речкой, ставшей еще более темноводной от черных безлистных кустов и текущей в белых берегах. И тут случилось событие, в центре которого была Джойка.

Братья еще не покинули свои позиции, когда на противоположном песке появился глухарь. Щелкнуло несколько винтовочных выстрелов. Одна из пуль пробила глухариное крыло, и он, развернувшись, поспешил в спасительный лес. Ребята бросились мимо меня к лодке, Джойка — за ними. Через некоторое время вижу выходящую из леса процессию. Впереди прыгающая с визгливым лаем собака, за ней

Борис с громадным живым глухарем под мышкой и замыкает Владимир с неестественно отставленной левой рукой.

Оказывается, собака по следу настигла глухаря на лесной полянке метрах в пятидесяти от берега и бросилась на него как на какую-нибудь куропатку. Вцепилась в хвост, вырвала несколько перьев, но получила такую оплеуху крылом, что отскочила метра на два. Оторопела от неожиданности, залаяла и снова схватила подранка, получив очередной крепкий удар.

Тогда Володя, довольно высокий и крепкий парень, сделал перед этим презрительное заявление, что та не собака, которая не может взять глухаря, навалился на него сам. Обхватил птицу правой рукой, а левой хотел взять за шею. Тут глухарь пустил вход свой могучий клюв и долбанул захватчика по указательному пальцу, вырвав небольшой клочок кожи.

Подумалось, что схватка может вообще отбить у Джойки охоту брать крупную дичь. Но братья пристрелили глухаря, а Джойка осторожно приблизилась к нему, понюхала и злобно вцепилась в голову. Это вселило какую-то надежду на отсутствие у нее морально-психологической травмы.

Последний вечер. Запылал прощальный костер из толстых бревен. К ужину извлекли все неприкосновенные запасы и просидели почти до рассвета. И вот занялось последнее утро охоты. На востоке из чернильной темноты появилась узкая зеленовато-серебристая полоска зари. Сверху к ней добавилась широкая розовато-красная дуга, как купол над восходящим солнцем. Постепенно серебряная полоса стала ярче, заблестела металлическим отливом. Западная часть неба посветлела и окрасилась в нежно-розовый цвет. А на вершинах деревьев заиграло золото первых лучей.

Последнее утро все, кроме Виктора, встретили на своих местах, но из-за сильного ветра пришли без трофеев. Зато фотограф всех удивил, добыв трех глухарей прямо у костра. И теперь уже мы его фотографировали в позе удачливого охотника. Пока снимали лагерь и грузились, небо заволокло темными тучами, усилился ветер. Место казалось осиротевшим. Прилетели новые хозяева — суетливые черно-оранжевые сойки. С разноголосыми криками они начали свой пир вокруг угасающего костра.

По течению лодка шла намного быстрее. Из-за крутого поворота почти вплотную подъехали к паре пасущихся у берега лосей. Великан-

рогач и стройная самка красиво, копыто в копыто, умчались в лес. Под вечер из прибрежных тальников спугнули несколько стаяк куропаток, кочующих ближе к пойме. Пробежал заметно посветлевший заяц. Когда лодка застряла на последней мели Собты-Югана, речку перелетал тетерев. Я успел взять ружье, и он упал с перебитым крылом на берег. Джойка выпрыгнула, быстро его поймала, задавила и задним ходом начала тянуть к воде. Здесь я окончательно успокоился — схватка с глухарем не повредила собаке, а, наверное, наоборот, — разожгла охотничью страсть.

Так закончилась наша лесная многодневная охота и мое первое поле со спаниелем. Экзамен он выдержал по всем видам дичи, кроме болотной, которую нам просто не удалось тогда встретить из-за высокой воды.

Через сутки мы подъехали к Салехарду, а в небе приветственным салютом бушевало сильное ярко-зеленое Полярное Сияние как символ охотничьей удачи.

Не могу не сказать и о реакции местных жителей на появление необычно маленькой охотничьей собаки. Как-то шторм заставил нас заночевать в чуме местных рыбаков около пельвожского запора. Старуха-хозяйка, увидев Джойку, лукаво спросила:

— А это у тебя кто?

— Охотничья собака, спаниель называется.

— Какая собака, кошка, однако?

И засмеялась, довольная сравнением.

С иронией воспринимали спаниеля и многие охотники, считавшие его непригодным для работы на сырых приобских лугах, покрытых высокими колючками, тем более холодной осенью. Однажды к нашему вечернему костру подошли знакомые, охотившиеся на соседнем озере.

Болонку-то зачем привезли? Ей бы на диване с бантиком лежать, а не под дождем мокнуть.

— А вы сколько уток сегодня потеряли?

— Штуки три на глубине лежат — не взять да несколько в густой траве не нашли.

— Ну вот, а мы втроем ни одной, сколько подстрелили — все наши.

После утренней зорьки соседи пришли с дарами — сахаром и колбасой. Джойка за полчаса собрала им около десятка уток.

Молва сделала свое дело и не было отбоя от желающих получить

щенков. Так как кроме Джойки в городе не было самок спаниеля, она вместе с привезенными из питомника Джеком В.С.Протопопова стала родоначальницей породы. Потомки их были в окрестных поселках, Тюмени и даже в Киеве.

Расскажу лишь о паре щенков из первого помета, которые жили у близких родственников и долго были у меня на виду. На их примере можно видеть, как сочетаются врожденные факторы с особенностями воспитания спаниеля, условиями его жизни, характером охотника и охоты.

Отец выбрал самого крупного, черного Жульку. Воспитывал его по-дуровски, только лаской и поощрением, постоянно общался и разговаривал. Двум (по его мнению) китам собачьего образования — передней и задней поноске — он обучил щенка к месяцам пяти. К лодке и воде Жулька привык еще раньше, т.к. отец жил у берега и ежедневно ездил с ним проверять поставленные недалеко сѣти.

Мой — черно-пестрый Джек готовился по той же программе, что и Джойка, но к поноске было привязано утиное крыло. Охотничьи гены здесь появились в полной мере. Убедился я и в том, что у спаниелей заложена природой любовь к воде. В возрасте пяти месяцев впервые повел Джека на Полуй. У берега, еще не видя реку из-за высокого причала, он вдруг почувствовал ее, шумно задышал и рванул поводок. В воду забрел сходу, немного полакал и снова стал с удовольствием вдыхать взволновавший его запах сырости. Я рискнул и бросил палочку метра за полтора-два, но уже на глубину. Щенок, не раздумывая, сплавал и довольный принес мне свое учебное пособие.

Казалось, очередная мечта — поохотиться с парой спаниелей, как на иллюстрациях в книгах Л.П.Сабанеева, была близка. Но тут бесследно исчез Жулька. Убедившись, что его нет в городе, донельзя расстроенный отец согласился взять Джека, тем более привыкать им друг к другу было не надо. Джек его постоянно видел да и с собственным хозяином еще не определился, т.к. основное время проводил в играх с Джойкой и моими детьми. Обретя в огромном отцовском дворе-саде полную свободу действий, возможность каждодневных купаний и лодочных поездок, а также пройдя школу у двух тренеров, Джек всесторонне подготовился к охоте.

Поэтому первый апорт он исполнил как что-то обычное. Ехали они в калданке вдоль берега. Из илистого ручья взлетел чирок. Отец его сбил. И не успел причалить, как Джек выпрыгнул за борт, сбегал за уткой и,

грязный до ушей, вернулся в лодку. К сожалению, отец охотился уже редко. Вскоре ослеп на правый глаз, безуспешно пытался найти ружье со специально изогнутым прикладом для левоглазых. Потом отдал свой арсенал детям и внукам, но спаниеля не давал никому. И, кто знает, может быть с более молодым охотником талант Джека раскрылся полнее. Прожил он до глубокой старости, но кончил трагически как большинство наших собак — от рук мальчишек-хулиганов.

А история Жульки получила неожиданное продолжение. Зимой я поехал по делам к военным связистам-локаторщикам, расположившимся под Салехардом. Чтобы не замерзнуть в холодном вездеходе, надел отцовские меховые брюки. Когда вошли в единственное на пункте здание (дюралевый модуль на сваях), то в длинном коридоре попали на необычный футбольный матч. Солдаты ожесточенно пинали хоккейную шайбу, а между ними с громким лаем носился крупный красивый черный спаниель, злобно хватая зубами то шайбу, то тапочки игроков.

Пса придержали и мы прошли в помещение для работы. Вскоре туда бесцеремонно зашел спаниель и начал обнюхивать незнакомцев. Нас тут же предупредили, чтобы не вздумали его гладить — сразу цапнет. Когда очередь дошла до меня, пес потянул как на утку. Руки я на всякий случай держал на столе. А спаниель уже приник носом к колену и вдруг, положив на него голову, жалобно заскулил. Прошло полгода, как солдаты «прихватили» щенка в городе, но он вспомнил запах хозяина. Это был Жулька.

После возвращения он стал жить у Володи. На охоту попал полуторалетним, без особой дрессировки. Постепенно втянулся, стал искать уток в траве и доставать из воды. Но не было у него обычного для спаниеля азарта, не говоря уж о проявлениях собачьего интеллекта.

Зато жизнь в мужском коллективе и грубые игры разбудили в нем большей частью дремлющий порок русских спаниелей — злобность. Помнится, как раз в те годы была в охотничьем журнале статья на эту тему. Если мне довелось знать просто злых спаниелей, то этот был еще и злопамятным.

Как-то спали мы с братьями вповалку в маленькой избушке. Приснился мне сон, что лечу в самолете — точная картинка из фильма о перелете Чкалова, — кислорода не хватает, маски нет, дышать нечем. Открыл глаза, а на мне Жулька расположился и рычит при малейшем

движении. Не знаю, как изловчился, схватил в изголовье твердый ружейный чехол и стукнул его по спине. От неожиданности он взвизгнул и, поджав хвост, убрался к дверям. Развивая успех, я выдворил его легким пинком на улицу.

Отомстить мне Жулька решил зимой, когда брат заводил во дворе машину, а я собирался идти за горячей водой. Задним зрением почувствовал, а обернувшись, увидел чуть не стелющегося по снегу спаниеля, хорошо, что медленно подкрадывался. Упредив прыжок, я что было силы ударил унтом по пустому ведру. Со страшным грохотом оно прикатилось в собачий бок. Здесь-то пес по-настоящему испугался, завизжал, как щенок, присел, сделав лужу, и позорно ретировался. С тех пор при виде меня скрывался в конуре. Жил он также лет пятнадцать, оставаясь неисправимым агрессором, кусая при случае всех подряд. А сложись жизнь по-другому, мог бы быть выдающейся собакой, чуткистой и сильной.

Выводы в данном случае читатель сделает сам: спаниелю нужны ранняя дрессировка — с полутора-двух месяцев, доброжелательное воспитание, постоянное общение с хозяином, выход на настоящую охоту в возрасте пяти-семи месяцев и в первые годы как можно чаще. Правда, последнее обстоятельство не всегда зависит от охотника. А Джеку с Жулькой не повезло еще и потому, что осенние сезоны 1965—1966 годов были дождливые, холодные с поздним спадом воды — никаких условий для ходовых охот, где проявляются лучшие качества спаниелей.

Перебираю записи тех лет, вырезки своих газетных фенологических заметок, охотничьих зарисовок — ничего красивого и светлого — вода-вода, кругом вода, непогода и слякоть. Вот разве только полдня, проведенные на высоком коренном берегу у рыбацкого стойбища Кунжолы. Под вечер во время редкого прояснения и потепления по подсохшей, необыкновенно ароматной некошенной траве пошли с Джойкой к обмелевшей горной речке с высокими крутыми берегами.

Из-под яра поднялось несколько шилохвостей. Дуплет и одна упала у берега, другая — далеко в воду, а третья, часто махая крыльями, утянула метров за двести на луг. Не знаю, видела ли ее Джойка, но вытащив на яр пару уток, без команды скрылась в траве. Вижу, как тяжело взлетает острохвост, за ним — устремленную в прыжке собаку. Потом слышу возню, хлопанье крыльев и отправляюсь на помощь. Но Джойка уже идет навстречу с живой уткой в зубах.

Возвращаясь, подошли к маленькому, круглому, мелкому озеру непонятного происхождения, расположенному у самой Оби. Все дно и берега его были каменистые. Я сел отдохнуть на большой гладкий валун. Он успел нагреться от недолгого солнца, теплой была и вода, зеленая от водорослей.

Зажглась моя любимая Венера в ореоле невесть откуда взявшихся на ясном небе облаков. В сумерках со стороны заката, хорошо заметные на фоне желтоватого неба, поочередно подлетали три шилохвости. Я снимал их королевскими выстрелами, Джойка приносила, неуклюже скользя и карабкаясь по камням. И не заметили, как северная часть горизонта потемнела, а обычно светлая и сияющая планета моей любви стала зловеще зеленой да еще с жутким красноватым оттенком. Повсаяло холодом, ночью разыгрался штормовой норд с мокрым снегом. Избушка вся тряслась от ветра, железная труба с грохотом скатилась с крыши. И опять надолго воцарилась непогода. Какая уж без охоты охота? — шутили братья, — даже и говорить неохота.

Только в 1967 году удалась теплая, сухая и продолжительная осень с небывало низким уровнем воды и рекордно-поздним ледоставом. Все выходные дни мы провели на левом берегу Игорской Оби. Там было длинное кормовое /ночное/ озеро и несколько извилистых протоков, где утки собирались днем. Большой сор, все три многоводные года выглядевший непроходимым илистым пространством с открытыми лужицами воды, предстал в необычном виде — как ровный твердый луг с шелковистой, как бы подстриженной травой-мурком. Густая сочно-зеленая осока узкой полоской окаймляла многочисленные маленькие озера и высокими кустами росла на торчащих из воды кочках.

Возможности для скрадывания близкие к идеальным. Водились здесь почти одни чирки — в то время мои самые любимые утки. Я подходил к озерам, лишь слегка наклоняясь, Джойка тянула на птичий запах. Вместо уток иногда перед ней стремглав, с резким испуганным криком вепархивал бекас или почти из-под самого носа лениво, кряхтя, поднимался дупель. Я всегда с удовольствием стрелял этих куликов, называемых красной дичью. Но такое случалось обычно два-три раза в год, а тут они вылетали почти каждый день. В душе опять что-то зашевелилось от причастности к благородной охоте, невозможной без легавой или спаниеля. Бог, наверно, видел и лет через 15—20 болотная дичь стала смыслом моей охотничьей жизни.

Природа словно знала, что идет наш с Джойкой последний осенний сезон в Салехарде, и продлила его почти на месяц. Раньше я никогда не ездил по реке в конце октября. Сначала же осень казалась ранней. Первого октября застыли лесные озера, а большинство птиц улетело на юг. Потом прошла полоса почти непроглядных туманов. Опять сильный заморозок и на застывшую землю упал сухой настоящий снег. Но снова оттепель и его как ни бывало.

Поздней осенью краски поймы светятся особой нежной и гордой печалью. Луговые берега отливают новым для меня оттенком тусклого охристого золота. Вода — тяжелая, маслянисто-фиолетовая, похожая на ртуть или расплавленное серебро. Прозрачны поредевшие травы, безлистные пойменные заросли ивняка, лесные распадки, поросшие ольхой и березой. Прозрачно вечернее бледно-голубое небо, переходящее постепенно в зеленовато-розовую полосу зари. Размытый темно-синий берег и слегка светящаяся река — словно написаны легкой акварелью.

Поднявшись по Полую выше Зеленого Яра, мы намеревались пострелять глухарей. Расположились на изгибе лесной речушки с песчаной отмелью напротив. Но ночью речка начала замерзать — пришлось срочно выезжать на Полуй. К утру на него слетелось много синьги и гоголей с застывших лесных озер. Неплохо поохотившись с чучелами, под вечер приехали ночевать к заброшенному рыбацкому стану.

По мелкому узкому горлу из большого сора в реку еще спускался щокур (чир). Мои спутники решили порыбачить единственной завалявшейся в лодке сетью, а я, увидев над разливом серых уток (надо же не улетели еще?), пошел на зорьку. Место выбрал так, чтобы утки падали на сушу. Но один свиязь все-таки утянул в сторону и камнем упал в неширокую проточку. Подбежали с Джойкой. Утка лежит у кола, вбитого рядом с берегом. Думаю, пусть возьмет — не успеет застудиться. Она схватила трофей и только отплыла, кол зашевелился. Собака бултыхается на месте. Понял — запуталась в обрывке сети, я — к ней.

Что делать — берег крутой, вода на точке замерзания, лодка далеко? Пока стягивал сапоги (до сих пор их делают узкими в подъеме), Джойка порвала старую, к счастью, мережу и выбралась с уткой на берег. Стресс чуть развеяли рыбаки. У костра — свежеподсоленные икра и рыба, уха с толстым слоем янтарного жира, а из воды торчит

бутылочное горлышко с белой головкой. Теперь можно — завтра домой.

Но и это оказался не последний выезд. В начале ноября зима, казалось, установилась прочно. Перехватило первым ледком могучую Обь, прошли два сильных снегопада. Да ненадолго — осень прислала свой прощальный привет. Сильные оттепели растопили снег не только на взгорьях, но и кое-где на равнинах. Обращенный на юг обрывистый склон выглядит вообще по-весеннему. Яркой зеленью светятся на солнце ели, золотится песок, а на ивах, спровоцированные поздним теплом, лопнули цветочные почки-сережки и сверкают серебром вместо снега. Шумит замерзший лесной ручей, вода местами вырывается на лед. Есть лужи на льду озер.

Девятого ноября поехали с Володей на «газике» к устью Васюганки в надежде подстрелить рекордно-позднюю утку. Тогда считалось престижным добыть трофей не только раньше, но и позже всех. Слева, у Корчаг, от берега до берега огромные полосы чистой воды. На них много турпанов и синьги. Утки ныряют, летают над полыньями. Однако сделать скрадки не удалось, мешала кромка тонкого льда у берега да и ветер дул в сторону полыней. Оставалось идти за куропатками.

Даже в глубине леса не чувствуется белого безмолвия. Бодро поет на верхушке ели большая синица, в кустах весело перекликаются красноголовые чечетки. Маленькая синичка-гаичка сидит на вытаявшей травинке и что-то деловито поклевывает. Бесшумно крутится над проталинками болотная сова — не торопится улетать на юг, пока мыши не спрятались под снег.

Джойка ошалело носится, разбираясь в сплетении весенне-осенне-зимних запахов, роет землю и что-то вынюхивает, погрузив кончик носа. Разгребает россыпь сердцевидных чешуек еловой шишки — остатки беличьего завтрака. Ловит след, ведущий на дерево, и с лаем царапает ствол. Благодать, только куропаток нет, скрылись в оврагах.

Для меня и для Джойки это последняя осенняя охота в окрестностях Салехарда. После двухлетнего перерыва ее охотничий талант, я не боюсь этого слова, полностью раскрылся на Обь-Иртышских лугах под Ханты-Мансийском.

6. Весна на Ямале

В отличие от других весенняя охота на Севере более долгожданна, динамична и прекрасна, как сама весна, которая в быстрой, яркой и пестрой смене фенологических фаз («весна света» — «весна воды» — «весна птиц») оживляет, обновляет и радуется не только окружающую природу, но и душу настоящего охотника.

В заключительной части повествования речь пойдет об авторском восприятии этой красивейшей из охот — эмоциональных впечатлений, интересных, на мой взгляд, наблюдениях и поучительных уроках. Написать обо всем, что видел и чувствовал за двадцать ямальских весен, в одной главе невозможно. Поэтому сгруппирую записки по периодам — в зависимости от времени и места охоты.

«Школьный» цикл (1947 — 1950 годы) все еще был связан с повсеместным применением гребных лодок и проходил на прежних угодьях, ограниченных четырех-пятикилометровой линией: Карыч-Могот — Щеголь — Кривое Мохтылево. Но для меня возникла новая сложность — необходимость ежегодно в разгар сезона сдавать многочисленные и донельзя заформализованные тогда экзамены. Бесспорное чувство приоритета охоты над учебой, прочно сидевшее во мне с первого класса, хотя и не влияло на «успеваемость», но порождало моральные издержки и лишние переживания. Хорошо, что отец смотрел на это сквозь пальцы. С годами я оценил его правоту и с таким же уважением относился к увлечению своего сына, который начал охотиться еще в более раннем возрасте.

В седьмом классе, помню, из десятка выпускных экзаменов первым стоял диктант. Поскольку грамоты за два дня подготовки все равно не прибавится, последний школьный звонок стал сигналом к началу охоты, под вечер я был на заснеженном острове, где отец ждал массовый утиный пролет.

— «Запала» птица, чует непогоду, — сказал он, выбравшись из ямы-скрадка, плотно вытоптанной в высоком сугробе. — Одного острохвоста только и «высидел». Забирай его — и домой, на вечерник оставаться бесполезно. И словно в воду смотрел. Не успели перекусить, как с севера потянуло холодом, пошел мокрый снег. В поисках затишья в разных направлениях начали летать утки. Удачный дуплет от костра утроил отцовскую добычу. Ветер усилился, снежные заряды смешались в круговерть метели.

Через несколько минут на расчищенном таловыми прутьями теплом кострище лежали лодочные сидения, упорная доска, весла. Над ними, как полунавес, защищающий от снега и ветра, перевернута калданка, под которой мне не впервые пришлось ночевать. Отец спал в непродуваемом скрадке, покрытом плащом.

Утром вместе с шумом откинутой лодки я услышал его веселый голос:

— Везет разгильдяям, а то лежать бы тебе дня три или больше.

Поняв намек на то, что северный ветер дует часто триадами: три, шесть, девять или даже двенадцать дней, а сейчас неожиданно стих, я выбрался из убежища. И первое, что уловил — щекочущий запах весенней сырости. Вместо ожидаемого заморозка сильное потепление. От сочетания пятен старого, ноздреватого снега и нового, мягкого и пушистого, остров стал сине-белым. На огромном зеркальном разливе виднелись темные точки отдыхающих после беспокойной ночи уток.

Потом мы тихо сидели у кипящего чайника, слушали радостные крики возвратившихся на родину птиц, легкий звон запоздалых льдинок и милос сердцу охотника веселое потрескивание костра. Рядом, в развилках куста, висели трофеи.

Из-под старой гнилой ивы, крадучись, вылез пестрый, потерявший роскошную зимнюю окраску горноста́й и, понюхав воздух, изящными прыжками направился к нашей добыче. Он ловко забрался на куст и жадно вцепился в шею убитой утки. Я крикнул и побежал догонять «разбойника», но ни шум, ни размахивание палкой не подействовали.

После бесцеремонного рывка за хвост он нехотя повернул в мою сторону оскаленную мордочку и, издав угрожающее «цзы-цзы-цзы», снова принялся сосать утиную кровь. Не желая иметь на руках следы острых, как иглы, зубов, решил поймать его петлей и стал искать веревку.

Тогда к кусту подошел отец. Сначала потрогал горноста́я за хвост, за спину, затем взял его в одну руку, а утку в другую — зверек продолжал есть. Стало ясно, что по природе своей исключительно осторожный, он был голоден и не боялся человека до такой степени, что позволил снова водворить себя вместе с уткой на куст, где оставался, пока не насытился.

Совершенно невероятная картина, когда свирепый хищник ест из рук, стала самым ценным «трофеем» — темой моего первого книжного

охотничьего рассказа. Отделавшись легким испугом в связи с несостоявшимся отжимком, я продолжал теперь охотиться после каждого экзамена, пока не попал в трехдневный шторм и чуть было не опоздал на сдачу алгебры. Наша добрейшая математичка и жена заядлого охотника, Зинаида Васильевна, по моей загорелой, припухшей физиономии быстро определила в чем дело. Как бы рассматривая наброски ответа, тихо спросила — сколько убил?

— Три утки.

— Ладно, трояк поставлю. Мой-то всего пару привез.

Следующий сезон начался со встречи ранее невиданного и во многом таинственного, священного для аборигенов белого журавля. По рассказам отца охотники изредка замечали их в низовьях Оби, а олснсводы — в тундрах Таза и Пура.

Во время редкого ледохода я сидел около пристани в ожидании момента, чтобы проскочить на калданке между льдинами к Дарьиной дыре и перетащить в сор. Прямо надо мной, на высоте 80—100 метров, с юга на север пролетели две крупные, розовые в ярком солнечном цвете птицы. Их клювы, длинные лапы и кончики крыльев казались черными. Это были стерхи — предмет моих в последующем многолетних изысканий и публикаций.

Путь лежал опять же к отцу, обосновавшемуся на Кривом Мохтылево. Но забитый мелким льдом Щеголь заставил повернуть от его соровой «прорвы» назад. Со мной впервые был «Зауэр-Ястреб» двенадцатого калибра с очень кучным и резким, как у всех отцовских ружей, боем. У берегов зеркального разлива среди подтопленной травы кормилось много серых уток. Очень пугливые весной, они, как правило, взлетали за пределами выстрела. Только дважды удалось подъехать метров на сорок к отдельным парочкам шилохвостей. Насторожившиеся селезни вытягивали шеи, а я с упора на лодку целился в головы и оба раза попал несколькими дробинами.

Прекрасное настроение, вызванное хорошей погодой и неожиданно удачной весенней охотой с подъезда, рухнуло; когда я выехал на рску. Над последними льдинами шел массовый пролет уток. Совсем недалеко идут гуськом шесть больших крохалей.

Выцеливаю одного — мимо, второго — тоже. Далеко замечаю стаю хохлатых чернетей. Любимые штыковые выстрелы — снова мажу. И так несколько раз. В меня вселилось какое-то самоедское чувство неуверенности, которое теперь называется комплексом.

Время, оставшееся после экзаменов до окончания охотничьего сезона, я безвылазно провел в своеобразных воротах, образуемых двумя мысами между широкими разливами, тянущимися от Оби к Полую. Ширину этого пролетного утиног коридора определяло Кривое Мохтылево, текущее метров триста в незаросших кустами берегах. В зависимости от направления ветра выбирал мыс, чтобы волнами не переворачивало маншики.

Я упорно и трудно осваивал двенадцатый калибр. К моральным страданиям добавились и физические. Легкое и прикладистое ружье обладало такой сильной отдачей, что с первой стороны у меня распухли губы, на плече образовался синяк, а на среднем пальце — болезненное вздутие, набитое предохранительной скобой. Стопроцентно попадая в сидящих уток, я как бы заново учился стрелять влет на подъеме, в угон или при посадке, когда утка машет крыльями почти на месте. Все попадания на большой высоте или скорости помню наперечет — на сколько это было приятно и красиво.

Выходить из кризиса начал весной 1949 года благодаря случайной ситуации. В начале сезона пришлось на несколько дней отдать ружье и лодку дяде, вернувшемуся после десятилетней службы в армии. Выручили друзья-неохотники. Один принес курковую тулку и полсотни патронов с дробью «шестеркой». Другой предложил дырявую калданку с отпиленной и забитой фанерой кормой. Собрали по чердакам несколько маншиков-уродцев и отправились в Кысканы.

Мы приехали раньше всех и заняли центральный мыс. Вскоре подошел пешком и сел — справа чуть глубже по ручью механик пристани Архангельский, всю ночь удивлявший нас точными выстрелами, часто дуплетами. Левее был заядлый молодой охотник Геннадий Родионов. Он стрелял на очень больших расстояниях, и если утки падали, то уж впечатляюще. Еще дальше за ним устроился в своей бочке самый лучший салехардский стрелок Виталий Федорович Никитин. О его результатах мы узнали только утром — 36 чирков.

Первый трофей был наш. С разлива, не обращая внимания на маншики, невысоко летел своей дорогой турпан. Я сомневался, что возьму его мелкой дробью. Заранее встал, выверил «поводком» опережение и самая крупная утка упала комом на снег.

Около полуночи началась настоящая канонада — густо пошел чирок. Выстрелив около тридцати раз, я взял шесть маленьких, быстрых и юрких уток. Затем похолодало, дул сильный северный

ветер, пришлось уйти под защиту кустов к костру. Тихое и пасмурное утро принесло достойный венец охоте. Я сбил двух свиязей — одного при посадке, второго под углом с высоты. Наконец-то, ни одной сидящей утки. Но где взять мелкую дробь? Ее тогда не завозили вообще, да и «четверку» или «тройку» — доставали с трудом. Поэтому, не раз еще выезжая в том сезоне, я продолжал «успешно» мазать влет как из «Ястреба», так и из собственного «Аиста».

Через год во время экзаменов на аттестат зрелости я по началу и не помышлял об охоте, попав в число кандидатов на золотую медаль, что подтверждалось четвертными пятерками за сочинение и годовыми — по прочим предметам. Тем не менее стакан «шестерки» выменял у бывшего заготовителя отдаленной фактории. И тридцать с небольшим патронов скрасили мою последнюю перед отъездом на учебу охоту, которой просто посчастливилось вдруг активно заняться.

Первые письменные экзамены не принесли успеха: на сочинении подвела неудачная проекция какого-то буржуазного явления на советскую действительность; на математике — механическая ошибка в вычислении синуса-косинуса.

Напряжение спало, после каждого экзамена я уезжал в «поля» и как на грех, все остальные сдал на пятерки. И это был божий промысел, т.к. единственный наш выпускник, сдавший на серебряную медаль, получил документы так поздно, что не успел подать их в институт. А все (!) остальные поступили учиться дальше.

Не рискуя попасть в шторм на пойме, я охотился у лесной горы на Карыч-Моготе. И теплее, и веселее от обилия различной фауны, и в любую погоду домой приедешь. Дичи меньше, но разве это главное? Я наслаждался весной и охотой. Стрелял «четверкой» сидящих уток, «шестеркой» — влет. Мазал, конечно, но и попадать стал чаще.

По оценке отца после крутого взлета и спада моя стрелковая линия подошла к средненькому, но более или менее стабильному уровню.

А потом целых две весны без охоты. Тимирязевская академия располагалась на окраине Москвы. Как подстреленный журавль, провожал я стаи перелетных птиц, идущих в родные северные края. Только на третьем курсе попал домой к закрытию охоты, всего на день, но как заново родился, посетив знакомые места.

Впечатления были, видимо, такими сильными, что зимой я на одном дыхании сделал последовательно-хронологические наброски

воспоминаний о своем охотничьем детстве, которые и легли в основу двух первых глав этой книги.

Весной приехав в Салехард на дипломную практику, получил возможность поохотиться несколько дней. К тому времени на смену гребным лодкам пришли деревянные моторки, оснащенные навесными и стационарными двигателями. Среди первых их владельцев были братья Морозовы, Иван и Андрей, а их напарниками стали отец и я. На мотобударках с привязанными попарно четырьмя калданками мы взяли тридцатикилометровый курс на разливы между Харпослом и Хадаром, где утки спрямляли пути к низовьям Оби и верховьям Полуя. Это был настоящий ледовый рейс, пожалуй, затмивший своей суровой романтикой самую охоту.

Лодку морского типа мы не в силах были даже вытащить на лед, не то что перетащить через поле. Поэтому или проталкивались баграми между льдинами, обкалывая пешнями их края, или, чаще, — расчищали проходы между берегом и льдом, проталкивая моторки по мелководью. Так добрались до сравнительно свободного от льда Карыч-Могота и вышли в Полууй. Там снова протискивались вдоль берега, пока не обнаружили разломы. Самым трудным оказалось форсирование Полууйского сора. Немыслимыми зигзагами, постоянно опасаясь начала ледохода, прорвались к устью Хадара и обессиленные свалились спать в маленькой лесной избушке.

Протоку прошли относительно спокойно, но ее верхнее устье забило льдинами, занесенными мощным течением Харпосла. Мы поставили палатку чуть ниже, в лесу. Рядом небольшие внешние разливы с удобными мысами, ручьями и заливами. Каждый нашел место по душе. Но было холодно, ночами или под утро замерзало. Уток приходилось брать терпением и выносливостью — северный ветер пронизывал насквозь. Но вот пошел лед и было слышно как трещал он на Харпосле. Сразу полетела утка, и мы два дня хорошо постреляли «первую птицу».

Это был последний многодневный выезд. На несколько лет я попал в железные объятия весенних посевных кампаний. Выручала появившаяся у нас огромная деревянная шлюпка с подвесным шестицилиндровым мотором. Брат Володя с другом забирали меня после работы на сельхозстанции и везли на вечерник в заветный залив Карыч-Могота. Изредка я оставался до утра. Тогда, чтобы не уснуть днём в борозде, немного дремал между утренним и вечерним летом уток и

причаливал прямо к полю, благо цивильный костюм там не требовался.

А уж если удавалось на воскресенье отпроситься у директора Ивана Григорьевича Вершинина, не нарвавшись при этом на его разящий юмор, то был настоящий личный праздник от участия в празднике природы. Тогда я всю ночь проводил в скрадке на высоком мысу, где отрыл прямую площадку - пол, ступеньку-сидение, выстланные толстым сенным матом для укрытия парников и теплиц. Впервые полукруглая стенка из таловых веток, переплетенных старой травой.

Особенно нравилось время на стыке вечерней и утренней зорь, какое-то серебряное по цветовой гамме и оттеняющее волшебство светлой ночи. Солнце ненадолго пряталось за седым Уралом, и тут же лучи невидимого светила начинали золотить верхушки деревьев на горе.

У всех на слуху пушкинское: «одна заря сменить другую спешит...» Мне кажется, что белая ночь — не смена, а соединение двух зорь, переход одного времени в другое, и больше прав Александр Блок:

«...Руки одна заря закинула другой,
И сестры двух небес прядут один -
То розовый, то голубой туман».

От него синевой искрится прибывающая на глазах вода. Белая трясогузка - ледоломка, по-японски церемонно и часто кланяясь на песке, провожает последние льдинки. Они и матово-гладкие с круглыми вытаявшими ямками и сине-зеленые, прозрачные, словно дорогой хрусталь, и столбчатые, как друзья горного кварца.

Певчие птицы встречают раннее утро разноголосым хором, резко и громко стрекочут дрозды. Усиливается лет уток. Над поймой парят мохноногие канюки-зимняки и болотные совы в поисках спасающихся от половодья мышей. И более крупные звери спешат уйти с островов. Горностаи, ласки, зайцы вплавь переправляются в лес. Вот и облезлая лиса вышла из тальника, понюхала воздух и осторожно двинулась к берегу. Несколько раз пробует хитрунья воду лапой и брезгливо отдергивает — холодно. Но выхода нет, и она плывет, высоко подняв еще пышный хвост, чтобы не намок, не потянул на дно.

Постепенно краски и звуки становятся яркими, громкими, откровенно радостными — начинается очередной день всеобщей хмельной свадьбы братьев наших меньших.

Весной 1956 года с благословения Григория Евгеньевича Рахмани-

на, заметившего в газете мои информации и статьи по земледелию, я начал писать заметки фенолога. А через год «тяга к перу» заставила сменить профессию. Я стал собственным корреспондентом газеты «Тюменский комсомолец» в Салехарде и на несколько лет получил возможность свободного распоряжения своим временем, в том числе и для охоты.

Весенний сезон открывался тогда на десять дней, и я на весь срок уезжал к верхнему устью Хадара. Там по прислоненным к высоким густым кустам длинным и темным от времени жердям нашел кысканную просеку. Впереди вытянутый разлив, обращенный безлесной затопленной гривой к Харпослу и Игорской Оби. А сзади, за просекой — цепочка водосмов, ведущих к Большой Оби и Полулю. Вечная утиная дорога.

Скрадок-полати соорудил на отдельно растущем старом таловом кусте, вырубив лишние сучья. Получился как бы одноногий стул на курьей ножке, окруженный подрезанными живыми ветвями. Маншилки нырковых уток плавали на протоке, серых — на травянистой отмели.

Стрелять приходилось чаще встречных штыковых и угловых птиц на небольшой высоте, что в общем-то очень трудно. Недаром эти ракурсы соответствуют самым сложным номерам на круглом стенде. А если бы там пришлось поражать тарелочку, летящую на тебя у самой земли, да еще стоя на метровом возвышении?

Так получалось с чирками, которые около полуночи имели персональное часовое «окно» перелета. Летели или над самой водой, или резко снижались перед просекой. И порой просто «обтекали» тебя, пролетая чуть ли не под ногами, но под руками — не раз. Хорошо, что доступной стала мелкая дробь. А, главное, — у меня появился новый репарационный зауэр восьмой модели 16 калибра. Долгой пристрелкой добился ровной осыпи, неглохой резкости и, естественно, более частых попаданий.

Чирки на много лет, вплоть до окончательного перехода в гильдию охотников за болотной дичью, стали моей любимой дичью. Специально для них привез из Москвы почти столетнее ружье Льежской Мануфактуры с дамасковыми цилиндрической сверловки стволами 12 калибра. Пристрелял его также удачно: убойный круг «шестеркой» больше метра в диаметре. Результаты в стрельбе прекрасные. Но возникла, как теперь говорят, проблема. Ложа оказалась для меня

длинноватой и хорошо приложиться мог только в легкой одежде. Дорогое розовое дерево пилить стало жалко и ружье перешло к Володе. Но оно принесло окончательную уверенность и решение никогда больше не стрелять сидящих птиц.

Среди завсегдатаев этих богатых угодий были так же Г.Е. Рахманин с охотоведомлевой Добринским, будущим крупным орнитологом, доктором биологических наук и охотник-фанат, владелец лучшей в городе коллекции оружия врач Владимир Спасский.

В конце 50-х годов самое мощное за несколько лет половодье, затопив пойму, свело всех на одной поляне у Хадара. В четырех палатках разместились наша семейная команда: отец, я, Борис, Володя и его друг Саша Касьянов с младшим братом; Григорий Евгеньевич слевой и Спасский с напарником.

С утренней зорьки, а она на севере длится часов пять, все возвращались в разное время и, наскоро перекусив, ложились спать. Зато перед вечерником, уже не торопясь, варили уток или рыбу и собирались у общего костра. Взрослые «пропускали» по чарке, а молодые получали на десерт байки-юморески и грустные истории, связанные с экстремальными ситуациями на охоте.

Туляк Владимир Владимирович Спасский, часто бывавший на родине, рассказывал о новинках земляков-оружейников — первом бокфлинте «Спутнике» и полуавтомате МЦ-12. Показал пополнение своего арсенала — самозарядную мелкокалиберку Маузера и курковую тулку — «императорку» с золотыми царскими гербами на стволах.

Верхом совершенства была рахманинская старенькая горизонталка — двадцатка бельгийской фирмы Франкотта, поражающая тщательностью отделки и простотой линий. Ничего лишнего: прямая ложа без затыльника, полные боковые доски без художественной гравировки. Но лучшая ствольная сталь «Сименс-Мартин», витой орех на прикладе, золоченые детали замка.

Точно знаю, что охотничьи собаки со временем становятся похожими на своих хозяев. По аналогии и ружья должны как-то соответствовать владельцам.

Обладатель Франкотта — самая яркая личность из всех знакомых мне охотников-интеллектуалов, охотоведов и писателей-натуралистов (а знать довелось многих). Еще в 20-е годы он стал известным автором статей и книг об охоте, в том числе таких популярных как «Календарь охотничьих птиц и зверей», «Четыре сезона ружейной охоты».

Много лет доцент Рахманин читал курс охотоведения в Ленинградском институте народов Севера. В послевоенные годы руководил заготовками пушнины на Ямале, проделав необычный и как бы обратный путь от литературы, через науку, к практике. Но каждый вечер, проходя по улице Республики мимо его дома напротив первой средней школы, можно было слышать треск пищащей машинки, а зимой и осенью — видеть огонек настольной лампы. Практика давала новую пищу теории и перу.

Его внешний колорит передают даже скупые штрихи к портрету. Высокий, подтянутый, моложавый для своих почти 70 лет. Породис-тое, чуть вытянутое лицо, хрящеватый с горбинкой нос. Строгая выправка старого русского офицера и добрые пытливые глаза учителя с пронизательным юмором смотрящих из-под кустистых бровей.

В эти дни мы стали невольными свидетелями его символического прощания с охотой.

— Братья Патрикеевы — чирковые (с ударением на букву «ы») артисты! — Приветствовал корифей российского охотоведения наше с Володей утреннее появление на стане. — Видел - видел, как вы дуэтом стреляли на кыскане. А где же третий, будущий артист?

— Сдаёт экзамен на самостоятельного охотника, — отозвался из палатки отец.

Экзамен сдан, — доложили мы аксакалам и захлеб начали рассказывать о том, что видели.

Из-за густых кустов ни я, ни Володя не заметили, как отец ушел с братьями Касьяновыми, впервые оставив одиннадцатилетнего Бориса одного с ружьем и калданкой. Тем более выстрелы с той стороны время от времени раздавались.

Когда после охоты выехали на разлив, над отцовскими маншиками шла пролетная стая синьги. Одна утка подогнула шею, следом донесся звук выстрела, и тяжелый селезень упал перед скрадком. Из него коlobком выкатился Бориска, схватил трофей и быстро назад. С высоты к маншикам круто «падало» несколько морских чернетей. Они уже «мочили лапы», когда заметили нас и стали неуклюже, замедленно подниматься. Снова выстрел и «сероспинник» падает в воду. Опять появляется младший брат, бежит к спрятанной в кустах лодке и едет за уткой.

Стало понятно, что он один здесь хозяйничает. Вот это дебют! Но малец, казалось, принимал все как должное. Никаких восторгов.

Разговаривая с нами, он все время озирался, не летят ли где утки. Я попытался придать должную торжественность моменту и, сняв с плеча зауэр, вручил его Бориске, как когда-то отец мне. Не помню, сказал ли брат спасибо, но всем своим озабоченным видом дал понять, что начинается утренний лет нырков и нечего мешать человеку охотиться, если самим лень.

Появился он у палаток со связкой уток, когда теплый и тихий день уже разгулялся. Разлив с незаметными в блеске солнечных лучей голыми затопленными кустами был безбрежен как море. На гривах прямо из-под воды поднялись золотистые поля калужниц. В лесу на деревьях и кустарниках лопнули листовые почки: клейко-зеленые у березы, красно-розовые у шиповника. На лиственницах появились нежно-изумрудные щеточки новой хвои, у багульника — белые бутончики цветов, а на земле — острые широкие листочки чемерицы. Вокруг слышался разноголосый птичий гвалт. Природа ликовала.

Все наперебой поздравляли юного охотника, явно смущенного общим вниманием. Григорий Евгеньевич обнял его и с нескрываемой, даже не грустью, а какой-то тоской, печально сказал: — Да, Борис, у тебя первая настоящая охота, а у меня, наверное, последняя. Принимай эстафету, радуйся природе, больше наблюдай и стреляй уток только влет, как отец и братья.

И в это время, как по заказу, над Хадаром появилась свадьба связей: самка и четыре селезня. Бориска выхватил из рук стоявшего рядом младшего Касьянова одностволку, достал из кармана патрон, вложил и бросился к берегу. Утки взыграли, он выстрелил, и пара рыжеголовых женихов оказалась у ног охотника...

Так случилось, что Бог отмерил ему немного времени и забрал к себе ровно через 13 лет на такой же весенней охоте. Но никто не помнит, чтобы младший Патрикеев когда-нибудь промазал влет. Это был поистине охотник Божьей милостью и непревзойденный стрелок не только в нашем охотничьем клане, но и во всем городе.

А меня судьба забросила на пару лет в далекий таежный поселок. Из-за отсутствия широкой поймы весенняя охота там имела свои особенности. На первых уток охотились до ледохода, уходя пешком на лесные озера, болота, небольшие разливы около речушек и ручьев, где были сравнительно открытые пространства, талая вода и какая-нибудь трава.

После вскрытия больших рек перемещались на песчаные остро-

ва. Здесь птица летела над сравнительно узким водным пространством, ограниченным коренными лесистыми берегами. Было ее, конечно, намного меньше, чем в низовьях Оби, особенно гусей и куликов. Но из-за концентрации стай на одной дороге создавалось впечатление, что ты находишься в кыскане, притягивающем уток. Только шли они выше, а, значит, и чаще случались красивые выстрелы.

Но всю картину портило сильнейшее речное течение, которое из гребных лодок могла преодолеть только верткая долбленка. Даже привезенная мною ходкая обская калданка двигалась еле-еле. Поэтому не столько стреляешь, сколько едешь за трофеями. Да и не так-то просто найти удобное мелкое место для расстановки маншиков. Пенопластовые постоянно скручивало, уносило течением, а резиновые даже топило. Спокойно мог охотиться только человек, оснащенный мотолодкой, и то если мотор безотказный.

Словом, я без сожаления о каком-либо виде таежных охот, в том числе и весенней, возвратился в родной город.

Приехал к осенней утиной охоте, которой в лесу практически не было. Отвел душу на любимых озерах, но весну ждал с особым нетерпением, чтобы вдохнуть живой воздух безбрежных обских просторов. Встретил же ее далеко на севере, на полуострове Ямал у бухты Находка. В середине апреля наша нарта катилась по безмолвной зимней тундре. Вокруг только снег: плотный, сбитый ветрами и морозами и со всех сторон сливающийся с горизонтом. Вдруг перед упряжкой вспорхнула стайка пуночек.

- Снежная птичка нынче рано пришла. Тепло, однако, будет, — откликнулся на мое удивление каюр.

К вечеру воздух потерял прозрачность, стал ватно-серым и влажным. Большой поселок Новый Порт встретил нас... дождем. А через день в иллюминаторы самолета я наблюдал по вершинам холмов маленькие проталинки — первые веснушки на белом лице северной красавицы-тундры. Дальше к югу резче обозначились островки зарослей кустарниковой березы, потемневшие дороги. Черными точками отпечатались подтаявшие олени следы. Постепенно проталины увеличивались, на речках и в оврагах заблестели лужицы воды.

При посадке на лед Полуя брызги из-под широких лыж «АН-2» поднялись до верхнего крыла. По краю полосы деловито прогуливались вороны. В небе, перекликаясь, летела на родину пара лебедей.

К сожалению, на этом и закончилось мое общение с широкими

просторами. Новая работа руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству окружкома КПСС означала и твердые тиски партийной дисциплины. Это не вольный собкор «молодежки» и не вечно находящийся на природе директор совхоза, никогда не расстающийся с ружьем или карабином.

Поэтому два весенних сезона охотился мало, строго в рамках выходных дней, если они не совпадали с командировками. Ездил только на ближние угодья, уже перенасыщенные охотниками, которые благодаря быстроходным дюралевым «казанкам» получили возможность ежевечерне «выскакивать» на зорьку. Мне оставалось только завидовать братьям, обосновавшимся на постоянной «вотчине» за добрую сотню километров от города.

— Нет! Партийная карьера не для меня. Охота и природа дороже всего. — Принял я в душе несколько патетическое, но абсолютно верное решение, у которого была еще одна причина — та самая «тяга к перу», которая и определила всю мою дальнейшую жизнь. Редактор окружной газеты «Красный Север» Любовь Гавриловна Баженова «выпросила» меня к себе заместителем «в порядке укрепления кадров». Снова пришла относительная свобода в поездках и возможность брать по необходимости хотя бы несколько дней для охоты в счет отпуска.

Последние три весны в Салехарде оставили самые счастливые воспоминания на всю жизнь. Заранее и на весь срок охоты мы на трех «казанках» с привязанными калданками отправлялись в Кунжолы. Особенно запомнилась вторая поездка. После небывало мягкой и малоснежной зимы в середине марта ударили сверххранние оттепели. Весь апрель стоял теплый, с бурным таянием снега. Прилетели почти все птицы.

Помню, 30 апреля было так тепло, что я в одной ковбойке с закатанными рукавами красил во дворе гусиные профили. Предчувствие скорой охоты укрепилось легким дождем. Но утром я проснулся от необычной темноты в комнате. И не поверил своим глазам — окна были больше чем наполовину занесены снегом. Хорошо, что входная дверь открывалась внутрь, — во двор пришлось пробиваться с лопатой.

Только через две недели мы тронулись в путь. Преодолевать ледяные поля на легких дюралках было проще — они скользили как сани. А местами, где реки были забиты мелким льдом, мы протаскивали лодки по заснеженному берегу, иногда вырубая кусты и проваливаясь по пояс в сугробах. На этот раз серьезным препятствием стал

Полуйский сор, разлив которого был схвачен снежно-ледяной коркой, достаточно прочной для того, чтобы разбивать ее сходу. Как бы то ни было, проход до основного руслового льда сделали, но он, разъеденный апрельской оттепелью, оказался хрупким и кое-кто из команды принял ванну.

Главное испытание ждало впереди. Льды вдруг пришли в движение. В это время две лодки стояли рядом на разводье, а на третью наехала тонкая, но крепкая льдина. Раздался ледяной хруст и легкий треск дюральки, которую стало медленно относить. В какие-то секунды к кружке был привязан шнур от манщика, и она полетела к дрейфующей лодке, а за ней прочная веревка. Застрявшие стали делать пешней и лопатой дорогу, а мы дружно подтянули их к себе.

Затем без приключений прошли Хадар, Харпосл и новый путь в Собты-Юганский сор. А оттуда по протоке Посл-тай к Игорской Оби у знаменитого чума Елены—оленоводки, охотницы и рыбачки.

Вооруженная пальмой-палкой с кованым лезвием, она помогла нам перебраться через лед к устью большой протоки Хорня. Дальше дороги нет, сплошной битый лед. Переночевали в избушке, а утром нас разбудила настоящая канонада ледохода. Громадные ледяные поля с невероятным треском и шумом, а скорес, громом начали медленное движение. Края их обламывались под неусдержимым напором и громоздились причудливыми сахарно-белыми и серо-зелеными глыбами.

Как велика и непреодолима сила ледохода! Вот появляется среди льдин огромный неводник, разворачивается поперек реки бортами и за мгновение превращается в сломанные доски, торчащие под разными углами из-под воды. После полудня Хорня очистилась. Мы выехали на Обь, где у кромки льда скопились несметные стаи уток и лебедей. Предстоял массовый пролет птиц.

Вот и наш стан на развилке Игорской Оби и Кунжольской протоки. На самом мысу недалеко от палатки обычно сидел отец. Володя и Борис с товарищами уезжали ниже, на острова у Хорни. А мне показали старый кыскан в сору напротив. Он такой же конфигурации как на Хадаре только в зеркальном изображении. Интересно, что сама просека заросла, а местом снижения и пролета стали две сходящиеся к сору протоки. Только чирки предпочитали старую дорогу, пролетая сквозь кусты.

По сравнению с салехардской лесотундрой здесь был уже юг. С

высокой лесистой Кунжольской горы доносилось запоздалое, но громкое бульканье тетеревов. В ивняке выделявала свои длинные, мелодически сложные и красивые коленца варакушка-синешейка — наш северный соловей. Слышалась трогательная песенка пеночки-таловки.

У птиц наступила пора гнездования, а кукушки тут как тут. Я наблюдал тогда целые перелеты серых длиннохвостых разбойниц из леса в пойму и обратно — иногда по две-три рядом. Вроде бы вредная птица, но как бережит душу ее мистически-проникновенное «ку-ку».

Кукушки нежный плач

В глуши лесной

Звучит мольбой

Тоскующей и странной.

Как весело весной, —

Как мир хорош в своей

Красе неожиданной.

На этой одновременно грустной и радостной ноте я заканчиваю свои воспоминания об охоте на Ямале.

Послесловие автора

Ямальский период занимает примерно половину моей охотничьей биографии. Следующую четверть века я охотился в не менее интересных местах у слияния Иртыша и Оби. Об особенностях осенней охоты в поймах этих рек, в том числе на болотную дичь, я написал в повести «30 лет со спаниелем», которая напечатана в Ханты-Мансийском краеведческом журнале «Югра» за 1994 год, а отдельные главы — в альманахе «Охотничьи просторы» № 1 (3) за 1995 год. Ждет своей очереди рассказ о весенней охоте в Обь-Иртышье и не только традиционной — на водоплавающих, но и совершенно новой — на вальдшнепов. В последнее время мне посчастливилось опубликовать в московских, ленинградских и местных журналах серию заметок о птицах Обского Севера, занесенных в Красную книгу России или находящихся под защитой закона, статьи о кольцевании и перелетах пернатых, несколько рассказов и этюдов об охоте и природе.

Осмысление многолетнего опыта и дневниковых записей при работе над публикациями произвольно высветило понятие — «высший смысл охоты». Что это — непреодолимая страсть, инстинкт, зов предков? Или более тонкие чувства: романтика скитаний, поэзия закатов-рассветов, интерес естествоиспытателя к гармонии всего живого на Земле? Да все вместе. И еще — постижение собственного единства с Великой Природой. И не просто как с красивым ландшафтом, а в более широком, может быть, даже космическом плане.

Теоретическое изучение наук, связанных с сельским хозяйством: основ ботаники, зоологии, лесоведения, метеорологии и астрономии; практическое познание местных птиц и зверей, деревьев, трав и цветов, народных примет; фенологические наблюдения, сравнения и описания увиденного — неминуемо вели от радостно-эмоционального созерцания к размышлениям, попытке осознать те или иные явления или хотя бы глубже понять и больше узнать.

Сначала заставила задуматься часто наблюдаемая взаимосвязь постоянного и переменного в природе: погода, смена дня и ночи, времена года, движение Луны, определенная цикличность явлений.

Особенно рано заинтересовали птичьи перелеты. Постепенно, изучая проблемы их миграций и кольцевания, подержав в руках не один десяток меток перед отправкой в Москву, немало прочитав и написав на эту тему, я узнал, какие и куда улетают птицы.

Но больше удивили возможности ориентирования их в пути,

порой, очень дальнем, как например, у розовой чайки — от Арктики до Антарктики. Считалось, что днем пернатые путешественники находят дорогу по солнцу и земным ориентирам, ночью — по звездам, в пасмурную погоду — по магнитному полю земли (компас). Все как у людей.

Теперь доказано, что птицы обладают способностью при помощи биокомпаса проводить навигацию, то есть определять свое местонахождение. Замечательный «прибор», а почему у нас его нет? И встают вопросы: генетики — врожденное программирование? Философии — кто вложил в них неведомый прибор? И, наконец, — бионики — как разгадать подобные принципы и использовать на благо современной техники?

Многое у природы человеком давно заимствовано. Часто осенью по звуку, напоминающему шелест пергаментной бумаги, можно заметить в пожухлой траве умирающих больших стрекоз, слабо трепещущих четырьмя длинными крыльями-лопастями. Они не только похожи по форме, но даже раскрашены как фирменный вертолет: корпус под цвет георгиевской ленты — желтый с косыми черными полосами, длинный хвост небесно-бирюзовый с поперечными черными полосками. Их два вида, отличающиеся по окраске. У одного мини-вертолетика большие прозрачные глаза, как сплошная кабина из просветленного (подсиненного) стекла, а у второго — дымчатая, с легким желтоватым светофильтром. А вот стрекоза несет в лапах, словно на вертолетной подвеске, большую пестро-желтую бабочку и не как попало, а по всем законам аэродинамики — головой вперед, крыльями вниз. Насколько все рационально и красиво в природе!

И как причудливо переплетено во времени и пространстве. Читатели, возможно, заметили до странности сходные ситуации, описанные в разных главах книги. Как по теории Лобачевского пересекаются параллельные прямые, так, видимо, каким-то образом перекрещиваются и исторические параллели. У философов есть разные объяснения: развитие истории по спирали с повторением пройденных этапов, но на более высокой базе; закон парных случаев; признание возможности аналогии, симметрии, тождества, а проще — сходства, соответствия, совпадения разновременных исторических процессов или явлений.

Народная мудрость гласит коротко и ясно — история повторяется. Немало тому примеров из прошлого Обского Севера я встречал в

литературе и архивах за десятилетия краеведческих исканий. Осмысливать их, разумеется, не берусь — это дело ученых. Но аналогичные случаи на охоте происходят нередко. Дело натуралиста — зафиксировать их.

Самые сложные, часто натыкающиеся на какой-то непреодолимый барьер и не лишённые страха раздумья гипнотически рождает звездное небо: о вечности и бесконечности материи, о неизвестных пока силах, управляющих Вселенной, об абсолютном и относительном, о своем месте в этом странном мире.

Плывет вечером Большая Медведица как золотой ковчег по темно-синему морю, а перед рассветом смотришь — стоит ковшик на ручке. А кто-то другой видит, что он висит. И снова думы: о законах симметрии, о стране «Зазеркалье», о мирах и антимирах, о своем возможном «двойнике», а там и пушкинские «гроба тайны вековые...»

Земные и чаще всего горькие мысли посещают в последнее время, когда на твоих глазах происходят такие разительные и уже, увы, критические экологические изменения на ранее девственных просторах Обского Севера. Карандашная запись 1965 года.

Салехард, время великих газовых открытий. Пролетел на вертолете по угольям своего бывшего совхоза в Пуровской тайге. И там, где на одном песчаном берегу насчитали три года назад 300 глухарей, вспугнули всего четыре птицы.

Затем полет от Салехарда к Байдарацкой губе — заливу Карского моря. Вся тундра перепахана десятилетиями незаживающими вездеходными следами. И неожиданное сравнение. Осенью на Обском Севере преобладают красно-багряные краски: ягоды брусники, клюквы, шиповника, толокнянки, красной смородины, рябины, мелкие листья - копеечки карликовой березки — алеют как капельки крови. И вывод — а не кровь ли это будущего экологического кризиса?

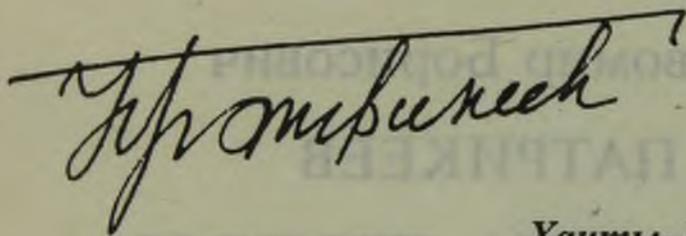
А теперь он уже наступил. И нынешнее состояние природы и общества на первый план выдвигает проблемы морально-этические — всемерное усвоение каждым охотником (рыбаком, туристом, сборщиком дикоросов) тех принципов, на которых должно строиться уважительное отношение к объектам охоты, местам их обитания, природе в целом и к другим охотникам. Необходимы такие качества, которые достигаются только воспитанием и самовоспитанием.

Разумеется, полноценное, на мой взгляд, восприятие охоты невозможно без соответствующей подготовки человека с малых лет, без

знания истории охоты как части национальной культуры, без своевременного знакомства с книгами Аксакова, Сабанеева, Дриянского, Брэма, Сетона-Томпсона, Джека Лондона, Бутурлина, Пришвина, Черкасова, Давыдова, Бианки, Соколова-Микитова, не говоря уже о классиках — Некрасове, Тургеневе, толстовских сценах охоты и так далее. Конечно, жизнь у людей складывается по - разному. Но научиться благородному поведению на охоте должен всякий, кто берет в руки ружье.

Основные нравственно-правовые элементы заложены в правилах охоты и в нашем хотя и донельзя примитивном «охотминимуме», кое-что можно почерпнуть в редкой охотничьей периодике, а чаще все-таки стоит вспоминать полузабытые или сознательно игнорируемые охотничьи традиции.

Казалось бы, не так уж много и надо, но беда в том, что одних этому не научили, другие знают, но не выполняют. Только соблюдение писаных и неписаных законов и ощущение себя частицей мироздания определяют правильное поведение человека, оказавшегося с ружьем в руках наедине с природой.

Ханты-Мансийск, 1991 — 1994гг.

Просмотрено краеведом

Содержание

Об авторе	3
Предисловие	4
1. Рожденный с ружьем	5
2. Первое поле	18
3. Отцовская школа.	35
4. Осенние тропы	50
5. Спаниели в Салехарде	64
6. Весна на Ямале	81
Послесловие	96

© Типография КИИЦ Нефтегазстройинформреклама

Новомир Борисович

ПАТРИКЕЕВ

ПЛАНЕТА ЛЮБВИ

Редактор Н. Горбенко

Жуужоник Н. Самбуков

Корректор Н. Худякова

Технический редактор И. Красноусова

Сдано в набор 20.11.94. Подписано в печать 1.02.95. Формат 60\84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5.81 Тираж 2000. Гарнитура «Таймс». Заказ Ротапринт КИИЦ.
Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в Ханты-Мансийской окружной типографии.

г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46, тел.

Отпечатано в типографии КИИЦ Нефтегазстройинформреклама.

г. Москва, ул. Станкевича, 5, тел. 290-45-46.

X

92982004
Окружная библиотека

**БИБЛИОТЕЧКА
ВСЕРОССИЙСКОГО
ЖУРНАЛА**